

ХОДЯЧИЕ МЕРТВЕЦЫ

ДОРОГА В ВУДБЕРИ

от
создателей
сериала
**THE
WALKING
DEAD**

**Роберт Киркман
Джей Бонансинга**
Ходячие мертвецы. Дорога в Вудбери
Серия «Ходячие мертвецы»
Серия «Губернатор», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11295707
Ходячие мертвецы. Дорога в Вудбери : [роман] / Роберт Киркман, Джей Бонансинга; [пер. с англ.
Заура Мамедьярова].: АСТ; Москва ; 2015
ISBN 978-5-17-090637-6*

Аннотация

В мире мертвецов страх окутывает окраины Атланты, не жалея живых. Но и живые, кажется, тоже не жалеют живых.

Оказавшись в гуще смертельной схватки с ходячими, Лилли Коул пускается в бега. Долгая дорога приводит ее в Вудбери, провинциальный городок, идеально обустроенный для защиты от зомби. В нем правит некий Филип Блейк: всех граждан он держит в повиновении. Лилли начинает подозревать, что не все так просто. Филип, который недавно начал называть себя Губернатором, жестоким образом нарушает представления о законности и порядке...

Содержание

Благодарности	5
Часть 1	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роберт Киркман, Джей Бонансинга Ходячие мертвецы. Дорога в Вудбери

Посвящается Джилли (Eamore della mia vita).

Джей Бонансинга

*Всем тем, кто годами позволял мне выглядеть более
талантливым, чем на самом деле:*

*Чарли Адларду, Кори Уолкеру, Райану Оттли, Джейсону Ховарду
и, само собой, мистеру Джею Бонансинге.*

Роберт Киркман

Robert Kirkman, Jay Bonansinga

THE WALKING DEAD: ROAD TO WOODBURY

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLG и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского Заура Мамедъярова,

Copyright © 2012 by Robert Kirkman and Jay Bonansinga

Благодарности

Особое спасибо Роберту Киркману, Дэвиду Алперту, Брендану Денину, Николь Соль, Circle of Confusion, Энди Козну,

Кемперу Доновану и Тому Ливенсу.

Джей Бонансинга

Моему отцу Карлу Киркману, который научил меня, как важно работать на самого себя, и показал, чего можно достичь, если упорно трудиться и сконцентрироваться на поставленной цели. И моему тестю Джону Хиксу, который дал мне сил уволиться с работы и пойти своим путем.

Я очень обязан вам обоим.

Роберт Киркман

Часть 1

На рассвете алого дня

Жизнь ранит гораздо сильнее, чем смерть.
Джим Моррисон

Глава первая

Никто на поле не слышал, как кусачие пробирались между высокими деревьями.

Металлический звон палаточных колышков, входящих в холодную, неподатливую глину Джорджии, заглушал шаги в отдалении – до захватчиков оставалось еще добрых пятьсот ярдов¹, они были скрыты в тени сосен. Никто не слышал, как трещали ветки под северным ветром или как предательски разносились во тьме гортанные стоны, столь же слабые, как крики гагар в верхушках деревьев. Никто не чувствовал распространявшегося смрада гниющего мяса и черной плесени в маринаде испражнений. Полуденный ветерок разносил осенние запахи древесного дыма и перезрелых фруктов, и они скрадывали вонь ходячих мертвецов.

И в результате некоторое время ни один из жителей растущего поселения не замечал *надвигавшейся* опасности – большинство выживших было занято возведением опорных балок. В ход шли любые предметы, которые удалось отыскать: железнодорожные шпалы, телефонные столбы и длинные ржавые куски арматуры.

– От меня никакого толку!.. – заметила хрупкая девушка с хвостиком, раздраженно вздохнув. Она неуклюже присела на корточки около квадратного куска забрызганного краской палаточного брезента, разложенного на земле в северо-западном углу площадки. На ней была просторная толстовка с эмблемой Технологического института Джорджии, старинные украшения и рваные джинсы, и она дрожала. Румяная, веснушчатая Лилли Коул, в длинные темно-каштановые локоны которой были вплетены легкие перышки, страдала от множества нервных тиков: она непрерывно теребила пряди своих волос, многократно заправляя их за уши, и время от времени с маниакальным упорством грызла ногти. Однако в этот момент она лишь крепче сжала молоток в своей маленькой руке и продолжила колотить по металлическому колышку, но боек все время соскальзывал со шляпки, словно та была смазана маслом.

– Все в порядке, Лилли, просто расслабься, – произнес здоровяк, стоявший позади нее.

– Да с этим справится даже двухлетка!

– Хватит казнить себя.

– О, я вовсе не себя хочу казнить! – Она нанесла еще несколько ударов, держа молоток двумя руками. Колышек не сдвинулся с места. – А этот идиотский колышек!

– Ты неправильно держишь молоток.

– Что?

– Сдвинь руку к концу рукоятки, позволь инструменту работать.

Последовало еще несколько ударов.

Колышек вылетел из твердой земли, подскочил и приземлился ярдах в трех в стороне.

– Черт возьми! *Черт возьми!* – Лилли ударила молотком по земле, опустила глаза и выдохнула.

– Все в порядке, девочка, давай я тебе покажу.

¹ Ярды – британская мера длины, примерно 91 см. – *Здесь и далее прим., переводчика.*

Здоровяк подошел к ней, встал на колени и попытался аккуратно вынуть молоток у нее из рук. Лилли отшатнулась, отказываясь отдавать инструмент.

– Дай мне минутку, ладно? Я справлюсь, точно справлюсь, – упрямо сказала она, и под толстовкой напряглись ее узкие плечи.

Она взяла другой колышек и начала снова, нерешительно ударяя по металлической шляпке. Земля была тверда, как цемент. Октябрь выдался холодным, и пустые поля под Атлантой замерзли. Это, в общем-то, было не так уж плохо. Пока что твердая глина оставалась пористой и сухой, поэтому лагерь и решили разбить на этом месте. Приближалась зима, и группа уже больше недели обосновывалась здесь, обустраиваясь, подкрепляясь и обдумывая будущее – если, конечно, будущее у них вообще было.

– Тут, знаешь, нужно просто позволить молотку упасть на нее. – Крепкий афроамериканец, присевший рядом с Лилли, наглядно продемонстрировал это, взмахнув руками. Его ладони были так велики, что казалось, будто в них может целиком уместиться ее голова. – Гравитация на твоей стороне, заставь вес молотка работать.

Лилли сознательно старалась не смотреть на руку чернокожего мужчины, ходившую вверх и вниз. Даже сидя на корточках в джинсовой рубашке без рукавов и потрепанном стеганом жилете, Джош Ли Хэмилтон оставался весьма импозантным. Он был сложен, как защитник Национальной футбольной лиги: с монолитными плечами, могучими бедрами толщиной со ствол среднего дерева и мощной шеей, – и все же двигался довольно плавно. Его печальные глаза с длинными ресницами и густые брови, то и дело пытавшиеся подобраться ближе к лысеющей макушке, намекали на чуткость, которой от него вряд ли можно было ожидать.

– Совсем не сложно... Видишь? – Он показал снова, и его татуированный бицепс – огромный, как брюхо поросенка, – напрягся, когда он взмахнул воображаемым молотком. – Понимаешь, о чем я?

Лилли благоразумно не смотрела на орудующую руку Джоша. Она чувствовала себя немного виноватой всякий раз, когда обращала внимание на его мускулы, его атлетичную спину, его широкие плечи. Несмотря на все время, проведенное вместе в этом земном аду, который некоторые из жителей Джорджии называли «Обращением», Лилли тщательно избегала нарушать границы близости с Джошем. Лучше бы их отношения остались платоническими, как у брата и сестры, как у лучших друзей, – и ничего более. Лучше бы они были лишь соратниками – особенно среди этой чумы.

Но все это не мешало Лилли застенчиво улыбаться здоровяку всякий раз, когда он называл ее «подругой» или «куколкой», или каждый вечер, перед тем как залезть в свой спальный мешок, украдкой показывать ему китайский иероглиф, вытатуированный у нее над копчиком. Не соблазняла ли она его? Не манипулировала ли им, чтобы быть под защитой? Ответа на эти риторические вопросы по-прежнему не было.

Из-за угольков страха, вечно тлевших где-то внутри Лилли, все этические и социальные нормы потеряли для нее значение. Страх, в общем-то, преследовал ее большую часть жизни, то исчезая, то появляясь вновь. В школе у нее развилась язва, а во время ее прерванной учебы в Технологическом институте Джорджии ей приходилось принимать транквилизаторы. Но теперь страх постоянно сидел внутри нее. Страх отравлял ее сон, туманил разум, сдавливал сердце. Страх стал ее движущей силой.

Теперь она сжала молоток слишком крепко, и на ее запястье затрепетала жилка.

– О черт, это ж не высшая математика! – воскликнула она и в конце концов начала правильно орудовать инструментом и яростно забила колышек в землю. Она взяла еще один, перешла к противоположному углу палатки и прямо сквозь брезент вогнала металл в землю, колотя по нему безумно, дико, попадая по шляпке лишь через раз. Пот потек по ее шее и бровям, но она все наносила удары. На мгновение она потеряла контроль над собой.

Наконец она в изнеможении остановилась; ее дыхание стало тяжелым, а кожа заблестела от пота.

– Что ж... Можно и так, – мягко сказал Джош, поднимаясь на ноги. Он бросил взгляд на шесть колышков, пригвоздивших палатку к земле, и на его точеном коричневом лице проскользнула усмешка. Лилли промолчала.

Зомби, незамеченными пробиравшиеся среди деревьев на север, теперь были всего в пяти минутах от них.

Ни один из выживших из группы Лилли Коул – а их было уже около сотни, и все они неохотно сотрудничали друг с другом, чтобы создать хоть сколько-нибудь сносную общину, – не осознавал фатального недостатка этого пустого участка, на котором они разбили свои самодельные палатки.

На первый взгляд место казалось идеальным. Участок был расположен в зеленом районе в пятидесяти милях² к югу от города – там, где когда-то каждый год выращивались тысячи тонн персиков, груш и яблок, – и находился в естественном углублении; трава здесь была выжжена, а земля утрамбована. Размером участок был с футбольное поле; прежние хозяева – вероятно, те же, что владели окрестными фруктовыми садами, – его покинули. По сторонам его ограничивали широкие гравийные дорожки, вдоль которых стояли густые заросли белых сосен и виргинских дубов, простиравшиеся на все холмы в округе.

В северной части поля виднелись обгоревшие руины большого поместья. Почерневшие стены выделялись на фоне неба, подобно окаменелым скелетам, а все стекла оказались выбиты недавним ураганом. За последние несколько месяцев пожары уничтожили большую часть пригородов и ферм к югу от Атланты.

В августе, когда люди впервые встретились с ходячими трупами, овладевшая Югом паника разрушила всю инфраструктуру экстренной помощи. Больницы быстро оказались переполненными, а затем и вовсе закрылись, пожарные части прекратили свою работу, а шоссе 1-85 встало из-за аварий. Люди перестали ловить радиосигнал на своих питавшихся от батареек радиоприемниках и начали запасаться необходимым, мародерствовать, объединяться в группы и искать укромные места, где можно было затаиться.

Собравшиеся на этой покинутой ферме люди нашли друг друга на пыльных проселочных дорогах, среди лоскутных табачных полей и пустынных торговых центров в округах Пайк, Ламар и Мериуэдер. Все они были разного возраста, включая более дюжины семей с маленькими детьми, и караван еле ворочавшихся на последнем издыхании машин все рос, пока необходимость найти убежище и сделать передышку не вышла на первый план.

Теперь они обосновались на этом гектаре свободной земли, напоминая какой-нибудь Гувервилль³ времен Великой депрессии. Некоторые жили в машинах, другие устроились в мягкой траве, третьи укрылись в небольших походных палатках, разбитых ближе к границам участка. У них было мало огнестрельного оружия и очень мало боеприпасов. Оружием теперь служили все элементы цивилизованной жизни: садовые инструменты, спортивные принадлежности, кухонная утварь. Многие выжившие, подгоняемые какими-то невидимыми и неведомыми часами, по-прежнему забивали колышки в холодную неровную землю, работая не покладая рук в стремлении создать временные убежища. И никто не заметил угрозы, надвигавшейся меж сосен с севера.

² Милья – британская мера длины; в одной сухопутной миле 1609 м.

³ Гувервилль – трущобы, в которых жили бездомные и разорившиеся люди во времена Великой депрессии в США; названы по имени президента США Герберта Гувера.

Под гигантским куском брезента в самом центре участка один из поселенцев, долго-вязый мужчина за тридцать в кепке с логотипом фирмы «Джон Дир»⁴ и кожаной куртке, руководил собравшейся внутри группой угрюмых подростков. Огромная тканевая палатка отбрасывала тень на крупные черты его лица.

– Давайте, дамы, постарайтесь! – крикнул он поверх звона металла, наполнявшего прохладный воздух.

Подростки пытались одолеть массивную деревянную балку, которая должна была стать центральной опорой большого циркового шатра. Этот шатер они нашли на шоссе 1-85: он валялся на обочине рядом с перевернутым грузовиком, на кабине которого был нарисован гигантский выцветший клоун – краска в нескольких местах облупилась. Окружность шатра составляла более ста ярдов, и этот грязный и рваный купол, вонявший плесенью и навозом, по мнению мужчины в кепке с логотипом «Джон Дир», мог послужить прекрасной кровлей для организации общей зоны и хранения припасов, а также стать чем-то вроде штаба, из которого можно было следить за порядком и создавать видимость цивилизованного существования.

– Слышь... Она не выдержит веса, – пожаловался один из подростков, разгильдяй по имени Скотт Мун, одетый в армейскую куртку. Его лицо обрамляли длинные светлые волосы, а его тяжелое дыхание выдавало, как нелегко ему приходилось сейчас вместе с другими татуированными и исколотыми пирсингом ребятами-готами из его школы.

– Прекрати ныть – все она выдержит, – резко оборвал его мужчина в кепке.

Это Чад Бингэм, он поселился здесь вместе со всей семьей, включая четырех дочерей: малышку семи лет, девятилетних близняшек и девочку-подростка. Он был несчастливо женат на кроткой миниатюрной женщине из Валдосты и мнил себя ярым сторонником строгой дисциплины, прямо как его отец. Но у отца его было двое сыновей, и ему никогда не приходилось иметь дело с женским сумасбродством. А если уж на то пошло, отцу Чада никогда не приходилось иметь дело и с мешками гниющей мертвой плоти, возродившимися после смерти. Поэтому теперь Чад Бингэм встал у руля, примеряя на себя роль альфа-самца, ведь, как говаривал его отец, *кому-то все равно пришлось бы*. Он посмотрел на ребят:

– Держите ровно!

– Вот так – ровнее не будет, – пробормотал один из готов сквозь стиснутые зубы.

– Да ты просто окосел! – ухмыльнулся Скотт Мун.

– Держите ровно! – приказал Чад.

– Что?

– Я сказал, держите проклятую палку РОВНО!

Чад вставил металлический шплинт в отверстие на брус. Внешние стены огромного брезентового балдахина заколыхались на осеннем ветру и зашуршали, а другие ребята устремились в дальние углы шатра с балками поменьше.

Как только шатер обрел форму и через широкий вход с одного его конца Чаду стал виден весь участок, он посмотрел вдаль поверх примятой коричневой травы, за машины с открытыми капотами, за группки матерей и детей, пересчитывавших скромные запасы ягод и остатков еды из торговых автоматов, за полдюжины пикапов, забитых пожитками.

На секунду глаза Чада встретились с глазами крупного темнокожего парня, стоявшего ярдах в тридцати от него, в северном углу участка, и наблюдавшего за Лилли Коул, подобно громадному вышибале какого-то клуба под открытым небом. Чад знал Лилли по имени – и только. Больше ему ничего не было известно об этой девушке – разве только, что она была «какой-то подружкой Меган», – а о здоровьяке известно было и того меньше. Чад вот уже

⁴ Американская машиностроительная компания, специализирующаяся на сельскохозяйственной и строительной технике.

несколько недель жил по соседству с этим гигантом, но не в силах был даже вспомнить его имя. Джим? Джон? Джек? В общем-то, Чад не знал ничего ни о ком из этих людей, понимая лишь, что все они были доведены до отчаяния и напуганы и просто молили об установлении дисциплины.

Однако уже некоторое время Чад периодически обменивался многозначительными взглядами с черным здоровяком – так они приглядывались друг к другу, проводили оценку. Они не обменялись ни словом, но Чад чувствовал, что вызов уже брошен. Здоровяк, может, и одолел бы Чада врукопашную, но так далеко Чад заходить не собирался. Размер не имел значения для пули 38-го калибра, которая покоилась в стальном «смит-вессоне» 52-й модели, засунутом сзади за широкую портупею Чада.

Но в этот момент между двумя мужчинами, находившимися в пятидесяти ярдах друг от друга, проскользнула искра понимания, подобная молнии. Лилли по-прежнему стояла на коленях перед черным здоровяком, ожесточенно колотя по колышкам палатки, но во взгляде парня, обращенном к Чаду, промелькнуло нечто темное и тревожное. Понимание пришло быстро, в несколько этапов, подобно зажиганию электрической цепи.

Позже оба мужчины независимо друг от друга решили, что они – как и все остальные – не учли два фактора, имевших в тот момент громадное значение. Во-первых, шум установки палаток целый час привлекал ходячих. Во-вторых, что, возможно, важнее, участок обладал одним серьезным недостатком.

Впоследствии оба мужчины с горечью поняли, что естественный барьер, образованный расположенным поблизости лесом, который поднимался на вершину соседнего холма, из-за неудачной топографии гасил, глушил и практически убивал любой естественный звук, исходивший из-за деревьев.

В общем-то, с вершины этого холма мог спуститься хоть школьный оркестр, но никто из поселенцев не заметил бы его, пока тарелки не ударили бы прямо у него под носом.

Несколько минут Лилли оставалась в счастливом неведении об атаке, хотя события вокруг нее разворачивались с огромной скоростью и стук молотков сменялся раздававшимися со всех сторон криками детей. Лилли продолжала со злостью вбивать колышки в землю, ошибочно принимая визг за детскую игру, пока Джош не схватил ее за ворот толстовки.

– Что?.. – огрызнулась Лилли, сверкнув глазами в сторону здоровяка.

– Лилли, надо...

Джош не успел закончить, увидев ярдах в четырех от них темную фигуру, которая, неуклюже пошатываясь, вышла из леса. Времени, чтобы убежать, чтобы спасти Лилли, не осталось: Джош успел лишь выхватить молоток из рук девушки и оттолкнуть ее в сторону.

Лилли упала и практически инстинктивно перекувырнулась, а затем, сориентировавшись, снова вскочила на ноги, подавив крик, рвавшийся у нее из горла.

Первым к участку ковылял высокий бледный ходячий в грязной больничной одежде; у него не было половины плеча, а торчавшие из него сухожилия извивались, подобно червям. Но самым страшным было то, что за ним шли еще два трупа, мужчина и женщина. На их лицах зияли пропасти замшелых ртов, из бескровных губ сочилась черная желчь, а их безжизненные глаза смотрели в одну точку. Все трое передвигались уже знакомой неровной поступью, щелкая челюстями и, словно пирании, обнажая почерневшие зубы.

Через двадцать секунд трое ходячих уже окружили Джоша, а палаточный лагерь пришел в движение. Мужчины хватали свои самодельные орудия, а те, у кого были пушки, тянулись к кобуре. Самые смелые из женщин вооружились досками, вилами, рогатинами и ржавыми топорами. Часть людей вместе с маленькими детьми укрылась в машинах и грузовиках; слышались удары кулаков по дверным замкам, захлопнулись все дверцы багажников.

Как ни странно, отдельные вскрики детей и нескольких престарелых тетушек, которые уже, возможно, вступили в стадию старческого угасания, тут же стихли и сменились жутким спокойствием буровой бригады или добровольческой армии. Всего за двадцать секунд звуки удивления стремительно превратились в деловитую холодность обороны, отвращения и ярости, транслируемых в контролируемое насилие. Этим людям приходилось заниматься таким и раньше, и с каждым разом они становились все опытнее. Часть вооруженных мужчин вышла к границам участка, спокойно сжимая молотки, вставляя обоймы в дробовики и поднимая дула украденных из оружейных магазинов пистолетов и заржавевших револьверов, годами хранившихся в их семьях. Первым прозвучал сухой щелчок выстрела «ругера» 22-го калибра. Оружие было, как ни крути, не самым мощным, но точным и легким в обращении, и пуля снесла верхушку черепа мертвой женщины в тридцати ярдах от стрелявшего.

Женщина эта едва успела выйти из-за деревьев, как тут же упала, сраженная, и по ее голове тонкими ручейками потекла мозговая жидкость. Это произошло на семнадцатой секунде с начала атаки. К двадцатой секунде все завертелось куда быстрее.

В северном углу площадки Лилли Коул, поднявшись на цыпочки, медленно, словно в полусне, и практически невольно пятилась от Джоша. Ее инстинкты одержали верх: здоровяк быстро окружил три трупа, их челюсти с гнилыми черными зубами клацали совсем рядом, а в руках у него был лишь молоток и никакого пистолета.

Он повернулся к ближайшему зомби, пока остальная часть группы рассеялась по площадке, и вонзил острый конец молотка в висок ходячего в больничной одежде. Раздался треск, похожий на треск при колке льда. Во все стороны брызнуло мозговое вещество, с громким звуком вырвавшееся наружу из сдерживавшего его черепа, и бывший больной отключился.

Молоток застрял в его голове и выскользнул из большой руки Джоша, когда ходячий повалился на землю.

В это время остальные выжившие рассредоточились по углам площадки. У самой кромки леса Чад поднял свой обшитый сталью «смит-вессон» и с ревом выстрелил в глазницу долговязого старика с наполовину оторванной челюстью. Тот повернулся вокруг своей оси, сделал еще шаг в сторону лагеря и упал, залившись тошнотворными выделениями. Позади выстроенных в линию машин колышек палатки вошел в рот рычавшей женщины, пригвоздив ту к стволу дуба. На восточном краю площадки с той же легкостью, с которой разрезают надвое гранат, топор прорубил чей-то гниющий череп. В двадцати ярдах оттуда выстрел дробовика снес всю листву с ветки вместе с верхней половиной полуразжившегося бывшего бизнесмена.

На другой стороне площадки, по-прежнему отступая от попавшего в западню Джоша, Лилли Коул вздрагивала при каждом звуке этой смертельной битвы. Страх, будто иголками, колот все ее тело, не давая ей вздохнуть и полностью парализовав ее разум. Она видела, что темнокожий здоровяк теперь уже стоял на коленях и пытался высвободить свой молоток, а двое других ходячих, подобно паукам, протягивали руки к его ногам, сдерживаемые лишь упавшей палаткой. Второй молоток, до которого Джошу было не дотянуться, лежал на траве в отдалении.

Лилли развернулась и бросилась бежать.

Ей потребовалось меньше минуты, чтобы преодолеть расстояние от внешнего ряда палаток до центра площадки, где пара десятков беззащитных душ сгрудилась в кучу около ящиков и запасов провизии, собранных под наполовину возведенным цирковым шатром. Двигатели нескольких стоявших неподалеку машин были заведены, и люди тонули в клубах углекислого газа. Женщин и детей защищали вооруженные мужчины, забравшиеся в кузова пикапов. Задышавшись, Лилли в ужасе скорчилась за побитым чемоданом.

Там она и пересидела всю бойню, заткнув уши. Она не заметила, что у кромки леса Джош в последнее мгновение успел нащупать ручку застрявшего в черепе поверженного мертвеца молотка и вытащить его, тут же снова обрушив на голову ближайшего из атакующих. Она не увидела, как тупой конец молотка снес челюсть мужчины-зомби и как невероятной силы удар Джоша расколол гниющий череп надвое. Лилли пропустила и финальную часть схватки: женщина уже готова была вонзить свои черные резцы в лодыжку Джоша, но в эту секунду на ее затылок обрушилась лопата. Несколько мужчин подоспели к Джошу как раз вовремя, чтобы убить последнего зомби, и здоровяк поспешно откатился в сторону, оставшись без единой царапины, но все же дрожа от выплеска адреналина, побывав на волосок от смерти.

Вся атака – теперь отбитая и растворявшаяся в монотонных звуках детских всхлипов, капающих жидкостей и вырывавшихся на свободу трупных газов – заняла менее ста восьмидесяти секунд.

Позднее, перетаскивая останки в ложе пересохшего ручья к югу от площадки, Чад и другие вожаки этого лагеря насчитали всего двадцать четыре трупа ходячих – а с такой угрозой несложно было справиться. По крайней мере, пока.

– Боже, Лилли, неужели ты не можешь просто смириться с этим и извиниться перед ним?

Сидя на одеяле около циркового шатра, девушка по имени Меган смотрела на стоявший перед Лилли нетронутый завтрак.

В ясном небе только что взошло бледное и холодное солнце. В палаточном городке начался новый день, и Лилли сидела у походной плитки, потягивая растворимый кофе из бумажного стаканчика. Глядя на замерзшие остатки сухих яиц, прилипшие к котелку, она пыталась отогнать от себя пронизанные чувством вины воспоминания о прошедшей ночи. В этом мире не было покоя ни усталым, ни трусливым.

Вокруг огромного изодранного циркового шатра – теперь должным образом установленного – суетились остальные выжившие, которые беспечно болтали, словно атаки накануне не было вовсе. Через широкий вход с одной стороны шатра, откуда когда-то, должно быть, на арену выходил дрессированный слон, люди заносили внутрь складные столы и стулья; полотняные стены трепетали на ветру из-за изменений атмосферного давления. На остальной части площадки возводились новые убежища. Отцы собрались в группу и принялись оценивать запасы дров, бутилированной воды, патронов, оружия и консервов. Матери занимались детьми, одеждой, одеялами и лекарствами.

При ближайшем рассмотрении искушенный наблюдатель заметил бы в каждом из предпринимавшихся на площадке действий слегка прикрытый налет беспокойства. Но неясно было, какая именно опасность таила в себе большую угрозу: живые мертвецы или наступавшая зима.

– Я пока не знаю, что сказать, – наконец пробормотала Лилли, в очередной раз глотнув чуть теплого кофе.

Ее руки по-прежнему тряслись. С момента атаки прошло восемнадцать часов, но Лилли все еще мучилась от стыда, избегая контактов с Джошем и держа все в себе, уверенная, что он ненавидел ее за то, что она сбежала и бросила его на верную гибель. Джош несколько раз пытался заговорить с ней, но она не была к этому готова и соврала ему, сказав, что плохо себя чувствует.

– А что тут скажешь?

Меган пошарила в кармане куртки в поисках своей маленькой трубки. Она пристроила на самый кончик щепотку травки и запалила ее дешевой зажигалкой, тут же сделав глубокую

затяжку. Меган было около тридцати; ее узкое милое личико обрамляли локоны отливавших рыжиной каштановых волос. Закашлявшись, она выпустила из легких зеленоватый дым.

– Ты только взгляни на этого парня, он же огромный! – усмехнулась Меган. – Я только хочу сказать, что он вовсе не выглядит так, словно не смог бы постоять за себя.

– Дело ведь не в этом.

– Ты с ним спишь?

– Что? – Лилли уставилась на свою подругу. – Ты серьезно?

– Я просто спросила...

Лилли покачала головой и вздохнула:

– Да я этого даже не достойна...

– Нет, ты ведь не... Или да? Умничка Лилли! Правильная до мозга костей.

– Может, хватит?

– Почему же? – Усмешка Меган превратилась в хитрую ухмылку. – Что же ты не напрыгнешь на него? Чего ты ждешь? Такое тело... И все эти его пушки...

– Прекрати!

От ярости Лилли почувствовала резкую боль в районе переносицы. Чувства ее вышли на поверхность, она снова задрожала и сама удивилась громкости своего голоса.

– Я не такая, как ты... Понимаешь? Я не такая общительная. Боже, Мег! Я совсем запуталась. С которым из этих парней ты крутишь роман сейчас?

Меган внимательно посмотрела на нее, кашлянула и забила еще одну затяжку.

– Знаешь что? – Она протянула трубку Лилли. – Почему бы тебе немного не успокоиться? Может, расслабишься?

– Нет, спасибо.

– А что? Поможет справиться с тем, что тебя гложет. Убьет ту несчастную муху, которая тебя укусила.

Лилли потерла глаза и покачала головой:

– Ну ты и штучка, Мег.

Меган сделала еще одну затяжку и выпустила дым.

– Лучше уж я буду этакой штучкой, чем куском дерьма.

Ничего не ответив, Лилли лишь продолжила качать головой. Как ни печально, на самом деле она порой задумывалась, не была ли Меган Лафферти тем самым куском дерьма, который она только что упомянула. Девушки познакомились еще в Мариетте, когда учились в выпускном классе школы «Спрейберри». Тогда они были неразлучны и делились всем: домашними заданиями, наркотиками, даже парнями. Но потом Лилли задумалась о будущей карьере и два года провела в чистилище, которым стал Бизнес-колледж Мэсси в Атланте, а затем поступила в Технологический институт Джорджии, чтобы учиться на магистра делового администрирования, которым она так и не стала. Она хотела попасть в сферу моды, может, даже руководить собственной дизайнерской компанией, но успела только дойти до приемной офиса, где должно было состояться ее первое собеседование – на престижную стажировку в модном доме Майкла Найта, – как тут же спасовала. Ее старый спутник, страх, положил конец всем ее планам.

Именно от страха она пулей вылетела из роскошной приемной, сдалась, отправилась обратно в Мариетту и продолжила бездельничать вместе с Меган, ловя кайф и пересматривая выпуски «Проекта Подиум», развалившись на диване.

В последние годы в отношениях девушек что-то изменилось – и изменилось на фундаментальном, химическом уровне: Лилли чувствовала, что между ними словно встал непреодолимый языковой барьер. У Меган не было ни амбиций, ни стремлений, ни целей, и она совершенно не переживала из-за этого. Но Лилли по-прежнему лелеяла свои мечты – мечты, возможно, мертворожденные, но все же реальные. Втайне она хотела отправиться в Нью-

Йорк, или запустить свой веб-сайт, или вернуться в приемную Майкла Найта и сказать той секретарше: «Ой, извините, мне пришлось отойти на полтора года...»

Отец Лилли – учитель математики на пенсии и вдовец Эверетт Рэй Коул – всегда поддерживал свою дочь. Эверетт был добрым и спокойным человеком. В середине девяностых, когда его жена умерла от долго прогрессирующего рака груди, он взял на себя все заботы по воспитанию единственной дочери. Он понимал, что ей хотелось от жизни большего, но знал при этом, что она нуждалась в безусловной любви, нуждалась в семье, нуждалась в доме. У нее же был только Эверетт. И все это сделало события последних месяцев настоящим адом для Лилли.

Первое нашествие ходячих здорово ударило по северной части округа Кобб. Они пришли из рабочих зон, из индустриальных парков к северу от лесов Кеннесо и стали распространять свою заразу, подобно тому, как по организму расползаются раковые клетки. Эверетт решил взять Лилли и уехать из города на их побитом фургоне «Фольксваген», и они успели добраться до самого шоссе US 41, пока не попали в аварию. В миле к югу оттуда они наткнулись на городской автобус, который ездил по маленьким улочкам и подбирал всех выживших, и почти успели запрыгнуть в него. Образ отца, который толкнул ее в дверь автобуса, когда к ним приближались зомби, до сих пор преследовал Лилли в ее снах.

Отец спас ей жизнь. В последнюю секунду он захлопнул входную дверь и отступил на тротуар, уже удерживаемый тремя каннибалами. Автобус тронулся, кровь отца забрызгала стекла, и Лилли кричала, пока не сорвала голос. Затем она впала в какое-то кататоническое состояние, свернулась на сиденье в позу эмбриона и всю дорогу до Атланты смотрела на окровавленную дверь.

То, что Лилли нашла Меган, было небольшим чудом. Эпидемия тогда уже была в разгаре, но мобильники еще работали, и она сумела договориться с подругой о встрече в окрестностях аэропорта Хартсфилд. Дальше девушки пошли вместе. Они продвигались автостопом на юг и ночевали в покинутых домах, сосредоточившись лишь на выживании. Напряжение между ними росло. Казалось, каждая из них реагировала на ужас и потери по-разному.

Лилли уходила в себя. Меган же вела себя совершенно иначе: она почти постоянно была под кайфом, без умолку говорила и обхаживала каждого странника, который встречался им на пути.

В тридцати милях к юго-востоку от Джорджии они наткнулись на караван выживших – три семьи из Лоуренсвилля путешествовали в двух минивэнах. Меган убедила Лилли, что в большой группе было безопаснее, и та согласилась на некоторое время присоединиться к ним. Следующие несколько недель, пока они нарезали зигзаги по фруктовым полям, она держалась особняком, но Меган вскоре положила глаз на одного из мужей. Его звали Чад, и он был таким крутым парнем: за губой у него вечно лежал жевательный табак, а жилистые руки покрывали матросские наколки. Лилли с отвращением наблюдала за тем, как Меган и Чад флиртовали среди этого кошмара наяву и совсем скоро стали ускользать в тень, отбрасываемую строениями придорожных зон отдыха, чтобы «справлять естественные нужды». Пропать между подругами становилась все глубже.

Как раз в то время на горизонте появился Джош Ли Хэмилтон. Однажды на закате караван на парковке «Кей-марта»⁵ со всех сторон окружили мертвецы, но тут на помощь людям пришел чернокожий гигант, выступивший из тени погрузочной платформы. Размахивая двумя мотыгами, на которых все еще болтались ценники, он был подобен истинному мавру-гладиатору. Он с легкостью расправился с полудюжиной зомби, и участники каравана

⁵ Сеть американских супермаркетов.

принялись наперебой благодарить его. Он показал группе пару новеньких дробовиков на дальних полках магазина и помог раздобыть походное оборудование.

Джош путешествовал на мотоцикле. Вместе с остальными загрузив минивэны провизией, он решил присоединиться к группе и последовал за караваном, который приближался к покинутым садам, лоскутным одеялом раскинувшимся в округе Мэриуэдер.

Теперь Лилли начала сожалеть, что однажды согласилась поехать позади него на его огромном «Сузуки». Была ли ее привязанность к здоровяку просто проекцией ее тоски из-за потери отца? Была ли она отчаянной попыткой манипулирования среди этого бесконечного ужаса? Была ли она столь же дешевой и очевидной, как сексуальная неразборчивость Меган? Лилли размышляла, не стала ли ее трусость – в тот момент, когда она накануне бросила Джоша одного на поле боя, – каким-то извращенным, темным, бессознательным проявлением всех ее сбывшихся опасений.

– Никто не говорил, что ты кусок дерьма, Меган, – наконец сказала Лилли, но прозвучало это натянуто и неубедительно.

– Этого и говорить не надо. – Меган сердито выбила трубку о плитку и поднялась на ноги. – Ты и так сказала достаточно.

Лилли встала. Она уже давно привыкла к таким резким изменениям настроения своей подруги.

– Что с тобой не так?

– Это все ты... От тебя одни проблемы.

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– А, забудь! Я больше не могу это терпеть, – сказала Меган, и в ее голосе, хриплом от выкуренной травки, послышалось разочарование. – Удачи тебе, девчонка... Тебе не мешает.

Меган быстро пошла к выстроенным в ряд у восточного края площадки машинам.

Лилли заметила, как ее подруга исчезла за высоким грузовиком, груженным картонными коробками. Остальные выжившие едва заметили размолвку, которая произошла между девушками. Пара человек повернули головы в их сторону, пронеслось несколько шепотков, но большинство обитателей лагеря продолжили заниматься своими делами, собирая и оценивая запасы. Лица людей были угрюмы и выдавали их внутреннее напряжение. В воздухе пахло металлом и снегом. Наступал холодный фронт.

Осматривая площадку, Лилли поймала себя на мысли, что на мгновение ее ошеломила суэта, царившая вокруг. Было такое ощущение, что она попала на блошинный рынок: повсюду были покупатели и продавцы, люди доставали продукты, складывали в одну кучу дрова и неспешно беседовали. По границам площадки теперь выстроилось не менее двадцати более скромных по размеру палаток; между деревьями тут и там протянулись веревки, на которых была развешана окровавленная одежда, снятая с ходячих: в преддверии зимы ничего не пропадало зря. Лилли заметила, что несколько детей прыгали на скакалке около грузовика, двое мальчишек пинали футбольный мяч. В яме для приготовления барбекю она разглядела костер; дым от него поднимался над крышами припаркованных машин. Воздух был наполнен одурманивающим ароматом свиного жира и древесного дыма – в любых других обстоятельствах это был запах ленивых летних дней, веселых вечеринок, игр в футбол, пикников на заднем дворе и семейных посиделок.

Пока Лилли обводила глазами небольшое суетливое поселение, внутри нее нарастал благоговейный ужас. Она видела, как резвились дети... Как их родители трудились, чтобы обустроить это место... Но все они были кормом для зомби. И внезапно Лилли уловила проблеск понимания, почувствовала удар реальности.

Она ясно осознала, что все эти люди были обречены. Великий план построить палаточный городок в полях Джорджии не мог сработать.

Глава вторая

На следующий день Лилли играла с дочками Бингэмов под свинцово-серым небом прямо перед палаткой Чада и Донны, как вдруг среди деревьев эхом пролетел треск гравия с проселочной дороги, которая вела к площадке. Половина жителей палаточного городка замерла на месте, обернувшись по направлению к шуму приближавшегося двигателя, ревевшего на низких передачах.

Это мог быть кто угодно. По охваченной чумой земле ходили слухи о бандах вооруженных до зубов головорезов, которые скитались по окрестностям и грабили выживших, раздевая их практически догола. Несколько машин из лагеря как раз были на вылазке, но невозможно было знать наверняка.

Лилли подняла глаза от нарисованных девочками классиков – квадраты были нацарапаны палкой на небольшом участке голой глины кирпичного цвета, – а дочери Бингэмов замерли посреди игры. Старшая из них, Сара, глянула на дорогу. Она была худенькой пятнадцатилетней пацанкой с большими любопытными глазами, самой находчивой из четырех сестер, которая всегда верховодила ими. На ней был выцветший джинсовый джемпер и пуховый жилет.

– Неужели это... – тихо пробормотала она.

– Все в порядке, милая, – сказала Лилли. – Я уверена, это кто-то из наших.

Три остальные девочки принялись озираться в поисках матери.

Донны Бингэм нигде не было видно: она как раз стирала одежду в оцинкованном жестяном корыте позади большой походной палатки их семейства, которую Чад Бингэм аккуратно возвел на площадке четыремя днями ранее, снабдив свое жилище алюминиевыми койками, несколькими холодильниками, вентиляционными трубами и работавшим на батарееках DVD-плеером с библиотекой детских мультфильмов вроде «Русалочки» и «Истории игрушек – 2». Пока Лилли собирала девочек, из-за палатки слышались шаркающие шаги Донны.

– Сара, возьми Рути, – сказала Лилли спокойно, но твердо.

Шум двигателя приближался, над деревьями поднимался дымок от горевшего масла. Лилли поднялась на ноги и быстро подошла к близняшкам. Девятилетние Мэри и Лидия были истинными ангелочками, как две капли воды похожими друг на друга – в одинаковых пальтишках, с хвостиками соломенных волос. Лилли повела девочек под навес палатки, а Сара подхватила семилетнюю Рути – чудесную маленькую фею с кудряшками Ширли Темпл⁶, падавшими на воротник ее миниатюрного пуховика.

Донна Бингэм появилась у стены палатки как раз в тот момент, когда Лилли подталкивала близняшек к ее входу.

– Что происходит? – Донна напоминала серую мышку и в своей парусиновой куртке выглядела так, словно любой порыв ветра мог свалить ее с ног. – Кто это? Мародеры? Машина незнакомая?

– Не стоит волноваться, – сказала ей Лилли, придерживая полог, пока четыре девочки скрывались в тени палатки.

За те пять дней, что прошли с момента, когда выжившие разбили здесь лагерь, Лилли фактически стала нянькой и присматривала за многими детьми, пока их родители отправлялись на вылазки или на прогулки или просто хотели урвать немного времени наедине друг с другом. Так она могла отвлечься от тягостных мыслей и радовалась этому – особенно теперь, когда у нее появлялся отличный предлог не общаться с Джошем Ли Хэмилтоном.

⁶ Американская актриса, наиболее известная детскими ролями, сыгранными ею в 1930-х годах.

– Просто побудь с девочками в палатке, пока не выяснится, кто это.

Донна Бингэм с готовностью последовала за дочерьми.

Повернувшись к дороге, Лилли увидела, как вдалеке из дыма появился капот знакомого грузовика «Интернэшнл Харвестер», который, пыхтя, как раз медленно проходил поворот. Лилли почувствовала облегчение. Несмотря на волнение, она улыбнулась и поспешила к пустому участку у западной кромки площадки, который поселенцы использовали как разгрузочную зону. Ржавый грузовик проехал по траве и, вздрогнув, остановился. Трое подростков, ехавших в кузове вместе с привязанными веревками ящиками, едва не налетели со всего маху на побитую кабину.

– Лилли Марлен! – крикнул водитель в открытое окно кабины, заметив, что Лилли подошла к грузовику.

Крупные грязные руки Боба Стуки – руки работника – покоились на рулевом колесе.

– Что сегодня в меню, Боб? – спросила Лилли, слегка улыбнувшись. – Опять «Твинки»⁷?

– О, сегодня у нас изысканный выбор с гарнирами на любой вкус, сестренка! – Боб обратил свое изборожденное морщинами лицо к ребятам в кузове. – Мы нашли заброшенный «Таргет»⁸, и там была всего пара ходячих... Почувствовали себя настоящими налетчиками!

– Рассказывай.

– Что ж, посмотрим...

Боб дернул рычаг переключения передач, переведя его в режим парковки, и вырубил тахтевший двигатель. Лицо мужчины было цвета дубленой кожи, усталые глаза покраснели. Боб Стуки был одним из последних выходцев с Нового Юга, которые все еще помадили волосы и зачесывали их назад, убирая с обветренного лба.

– Взяли доски, спальные мешки, инструменты, консервированные фрукты, светильники, хлопы, всепогодные радио, лопаты, уголь... Что еще? Еще достали кастрюли и сковородки, пару кустов помидоров – там на них и хиленькие помидорки есть. Плюс несколько баллонов с бутаном, десять галлонов⁹ молока – срок годности вышел только пару недель назад! – дезинфицирующие средства для рук, «Стерно»¹⁰, хозяйственное мыло, шоколадки, туалетная бумага, шалфей в горшке, книга об органическом земледелии, поющая рыба мне в палатку и полцарства в придачу.

– Боб, Боб, Боб... Ни «АК-47», ни динамита?

– Не умничай! Мы достали кое-что получше. – Боб потянулся к ящику из-под персиков, установленному на пассажирском сиденье рядом с ним, и подал его через окно Лилли. – Будь добра, отнеси это в мою палатку, пока я помогу этим трем рабочим разгрузить тяжелые вещи.

– Что это? – Лилли заглянула в ящик, полный пластиковых флаконов и бутылок.

– Медикаменты. – Боб открыл дверь и вышел из кабины. – За ними нужно следить.

Среди пузырьков с противоаллергическими средствами и кодеином Лилли заметила несколько бутылок с алкоголем и серьезно посмотрела на Боба:

– Медикаменты, да?

– Я очень болен, – усмехнулся он.

– Сразу видно, – прокомментировала Лилли.

⁷ Популярное в США бисквитное пирожное с банановой начинкой.

⁸ Сеть американских супермаркетов.

⁹ Мера объема; в США стандартный галлон составляет около 3,7 литра.

¹⁰ Топливо, поставляющееся в компактных жестяных банках.

К этому моменту она знала о прошлом Боба достаточно, чтобы понимать: помимо того, что он был милым, добродушным и в некотором роде пропащим человеком, а также бывшим санитаром полевого госпиталя, что делало его единственным обитателем палаточного городка, имевшим за плечами хоть какое-то медицинское образование, он был еще и неисправимым пьяницей.

В первые дни их дружбы, когда Лилли с Меган еще переезжали с места на место и Боб помог им выбраться из переделки на полной зомби придорожной стоянке, Боб тщетно пытался скрыть свой алкоголизм. Но к тому моменту, когда пять дней назад группа осела на этом заброшенном пастбище, Лилли уже стала регулярно провожать Боба до палатки по вечерам, чтобы его никто не ограбил, ведь угроза эта была вполне реальной для группы столь крупной и многообразной, в которой к тому же царило такое напряжение. Ей нравился Боб, и она не возражала быть и его нянькой тоже. Но это добавило ей переживаний, в которых Лилли вовсе не испытывала нужды.

В этот момент она точно знала, что Бобу нужно от нее что-то еще: она поняла это по тому, как задумчиво он потирал своей грязной рукой подбородок.

– Лилли, есть еще кое-что... – Он замолчал и неловко сглотнул.

– Выкладывай, Боб, – со вздохом сказала она.

– Это, конечно, не мое дело... И все же. Я просто хотел сказать... О черт! – Он сделал глубокий вдох. – Джош Ли – хороший парень. Я с ним болтаю время от времени.

– И что?

– Я просто хочу сказать...

– Продолжай.

– Просто... Слушай... У него сейчас не лучшие времена, понимаешь? Он думает, что ты на него злишься.

– Что он думает?

– Он думает, что ты рассердилась на него из-за чего-то, но точно не знает из-за чего.

– Что он сказал?

– Не хочу лезть не в свое дело. – Боб пожал плечами: – Не то чтобы я в курсе... Не знаю, Лилли. Он просто хотел бы, чтобы ты не игнорировала его.

– Я и не игнорирую его.

Боб взглянул на нее:

– Ты уверена?

– Боб, говорю тебе...

– Ладно, слушай. – Боб нервно взмахнул рукой. – Я тебе не указ. Мне просто кажется, что будет обидно, если у двоих вроде вас, у хороших людей, случится что-то такое – ну, понимаешь, в такое время... – Его голос прервался.

– Я ценю то, что ты сейчас сказал, Боб. Правда, – смягчилась Лилли.

Она посмотрела под ноги.

Боб поджал губы и на секунду задумался.

– Я видел его сегодня у поленницы. Он рубил дрова, как ненормальный.

От разгрузочной площадки до поленницы было не больше ста ярдов, но Лилли показалось, что она совершает Батаанский марш смерти¹¹.

Она шла медленно, с опущенной головой, и руки ее были засунуты в карманы джинсов, чтобы не было видно, как они дрожали. Ей нужно было миновать группу женщин, сортировавших одежду в чемоданах, обогнуть цирковой шатер, обойти мальчишек, чинивших сло-

¹¹ Марш смерти протяженностью 97 км, состоявшийся в 1942 году на Филиппинах после победы Японии в битве за Батаан. Впоследствии был расценен как военное преступление.

манный скейтборд, и нескольких мужчин, которые осматривали оружие, разложенное перед ними на расстеленном на земле одеяле.

Поравнявшись с мужчинами – в их число входил и Чад Бингэм, взявший на себя командование, подобно деспотичному реднеку¹², – Лилли взглянула на одиннадцать тускло поблескивавших пистолетов разных калибров, марок и моделей, которые лежали аккуратно, словно столовые приборы в ящике. Рядом была пара дробовиков 12-го калибра из «Кей-марта». Всего одиннадцать пистолетов и эти дробовики да ограниченное количество патронов – таким был весь арсенал поселенцев, тонкой ширмой отделявший выживших от катастрофы.

По шее Лилли пробежали мурашки, а страх прожег дыру в ее животе. Дрожь усилилась. Ее словно лихорадило. Лилли Коул никогда не умела справляться с дрожью. Она вспомнила тот день, когда нужно было выступить с презентацией перед приемной комиссией Технологического института Джорджии. Она подготовила заметки на карточках и репетировала несколько недель. И все равно, оказавшись перед заслуженными профессорами в той душевной комнате на Норт-авеню, она так дрожала, что задохнулась от волнения и уронила свою стопку карточек, которые вихрем разлетелись по комнате.

Теперь, подходя к изгороди, протянувшейся вдоль западной границы площадки, она чувствовала то же самое нервное напряжение, усиленное тысячекратно. Дрожал каждый мускул на ее лице, а руки готовы были выпрыгнуть из карманов: тремор был столь силен, что казалось, будто ее суставы вот-вот заклинит и она замрет на месте. «Хронический тревожный невроз» – так называл это врач из Мариетты.

В последние недели такой спонтанный паралич настигал ее сразу же после атак ходячих, и дрожь не прекращалась часами, но теперь внутри нее нарастал еще больший ужас, и шел он из каких-то темных, первобытных и первородных глубин. Она просто замкнулась в себе и вблизи разглядела свою израненную душу, измотанную тоской и потерей отца.

Услышав удар топора по деревянной балке, Лилли вздрогнула и посмотрела в сторону изгороди.

Около длинного ряда сухих поленьев собралась группа мужчин. Ветер раздувал опавшие листья и тополиный пух, поднимая их над кронами деревьев. В воздухе пахло влажной землей и прелой сосновой хвоей. В зелени плясали тени, из-за которых Лилли только еще больше накручивала себя. Она вспомнила, как тремя неделями ранее ее едва не укусили в Мейконе, когда зомби вывалился на нее из-за мусорного бака. Сейчас Лилли казалось, что все эти тени за деревьями были точь-в-точь похожи на закоулок за тем баком и таили в себе опасность, источая запах разложения и являя миру жуткое чудо – оживающих мертвецов.

Раздался еще один удар топора, и Лилли снова вздрогнула, а затем посмотрела по направлению к дальнему концу поленицы.

Джош стоял к ней спиной, короткие рукава его легкой хлопковой рубашки были закатаны, а между массивных лопаток проступила длинная полоска пота. Его мускулы так и ходили, кожа на коричневом затылке пульсировала. Он работал в постоянном темпе, наклоняясь, ударяя, отклоняясь назад, занося топор и снова наклоняясь – с громким «Бац!».

Лилли подошла к нему и прокашлялась.

– Ты все неправильно делаешь, – сказала она дрожащим голосом, попытавшись придать своему тону легкости и непринужденности.

Джош застыл, занеся топор над головой. Повернувшись, он посмотрел на нее; на его темном точеном лице сияли капельки пота. С секунду он выглядел шокированным, удивленно моргая.

¹² Жаргонное название белых фермеров, жителей Юга США; примерно соответствует русскому «деревенщина».

– Знаешь, я уж и сам решил, что что-то не так делаю, – наконец сказал он. – За пятнадцать минут расколол всего сотню поленьев.

– Ты держишь топор слишком близко к лезвию.

– Я так и знал! – усмехнулся Джош.

– Позволь поленьям самим за тебя работать.

– Так и сделаю.

– Хочешь, я покажу?

Джош отступил и передал ей топор.

– Вот так, – сказала Лилли, изо всех сил стараясь выглядеть очаровательной, остроумной и смелой.

Дрожь ее была настолько сильна, что, когда она сделала слабую попытку расколоть полено и нанесла удар, лезвие тоже дрогнуло и соскочило, отколов щепку и войдя глубоко в землю. Лилли попыталась вытащить его.

– Теперь понял, – сказал Джош, добродушно кивнув.

Он заметил, как дрожала Лилли, и его улыбка сошла с губ. Он подошел к ней и положил свою огромную ладонь поверх ее рук, костяшки пальцев которых побелели от напряжения, пока она безуспешно старалась вынуть топор из глины. Нежное прикосновение Джоша успокаивало.

– Все будет хорошо, Лилли, – мягко сказал он.

Она отпустила топор и повернулась к Джошу лицом. Когда их глаза встретились, сердце Лилли заколотилось сильнее. Она похолодела и попыталась выразить словами свои чувства, но смогла лишь пристыженно отвести взгляд. В конце концов она выдавила:

– Можем мы поговорить где-нибудь?

– Как тебе это удастся?

По-турецки скрестив ноги, Лилли сидела на земле под могучими ветвями дуба, которые отбрасывали нечеткие тени на ковер из прелых листьев, простиравшийся вокруг нее. Говоря, она прислонилась спиной к толстому стволу дерева и по-прежнему не отводила глаз от качавшихся в отдалении верхушек сосен.

Взгляд ее был отсутствующим, таким, какой Джош Ли Хэмилтон время от времени видел на лицах ветеранов войн и медсестер «Скорой помощи», – это был взгляд постоянного изнеможения, дикого изумления, полной отрешенности. Джошу захотелось заключить эту хрупкую, тоненькую девушку в свои объятия и не отпускать ее, гладя по голове и успокаивая. Но каким-то образом он почувствовал – он понял, – что момент был неподходящим. В этот момент нужно было слушать.

– Что удастся? – спросил он.

Джош сидел напротив Лилли, тоже скрестив ноги, и мокрой банданой вытирал затылок и шею. Перед ним на земле стояла коробка сигар – последняя из его истощившихся запасов. Он даже немного побаивался выкуривать оставшиеся, суеверно полагая, что таким образом предопределяет свою судьбу.

Лилли посмотрела на него:

– Когда наступают ходячие... Как ты справляешься, не пугаясь при этом до смерти?

Джош устало усмехнулся:

– Если научишься, научи и меня.

Она с секунду молча смотрела на него.

– Да ладно тебе!

– Что?

– Хочешь сказать, ты до смерти боишься, когда они наступают?

– Ты чертовски права.

– Ой, ради бога! – Она скептически наклонила голову. – Ты?

– Дай-ка я тебе кое-что скажу, Лилли. – Джош открыл коробку с сигарами, достал одну и запалил ее своей зажигалкой «Зиппо», после чего задумчиво затянулся. – Сегодня не боятся только глупцы да безумцы. Если ты не боишься, ты ничего не замечаешь.

Она посмотрела вдаль, поверх палаток, рядами выстроившихся вдоль изгороди, и с горечью вздохнула. Ее узкое лицо было печальным и бледным. Казалось, она пытается высказать свои мысли, которые упрямо не хотели соотноситься с ее словарным запасом.

– Я уже давно страдаю от этого, – наконец произнесла она. – И этим... не горжусь. Мне кажется, из-за этого многое в моей жизни оказалось испорчено.

Джош взглянул на нее:

– О чем ты?

– О том, что я слабачка.

– Лилли...

– Нет. Послушай. Мне нужно это сказать. – Она избегала смотреть на него и чувствовала, как горит от стыда. – До того как началась эта эпидемия... мне просто было из-за этого немного... неудобно. Я кое-что упустила. А еще кое-что – полностью запорола, потому что я самая настоящая трусиха... Но теперь ставки... Не знаю. Теперь из-за меня кого-нибудь могут убить. – Она наконец-то смогла взглянуть в глаза здоровяку. – Я явно могу подвести дорогих мне людей.

Джош понимал, о чем она говорила, и сердце его обливалось кровью. С того самого момента, когда он увидел Лилли Коул, он чувствовал то, чего не чувствовал с тех пор, как еще подростком жил в Гринвилле, – восторженное обожание, которое вспыхивает в душе мальчишки, когда тот видит изгиб девичьей шеи, чувствует запах волос девушки или замечает россыпь веснушек у нее на носу. Совершенно очевидно, что Джош Ли Хэмилтон был сражен. Но он вовсе не хотел испортить эти отношения, как испортил множество других, еще до Лилли, до чумы, до того как мир стал так чертовски уныл.

В Гринвилле Джош влюблялся в девчонок с поразительной частотой, но у него никогда ничего не выходило из-за чрезмерной спешки. Он вел себя, как огромный щенок, который терся об их ноги. Но не в этот раз. В этот раз Джош хотел быть умнее – умнее и осмотрительнее – и продвигаться маленькими шажками. Может, он и был всего лишь неотесанным деревенщиной из Южной Каролины, но глупцом он не был. Он готов был учиться на собственных ошибках.

Будучи по натуре одиночкой, Джош вырос в семидесятых, когда Южная Каролина все еще цеплялась за призрак времен Джима Кроу¹³, все еще безрезультатно пыталась объединить школы и вступить в двадцатое столетие. Перебираясь со своей матерью-одиночкой и четырьмя сестрами из одной ветхой квартиры в другую, Джош нашел своим дарованным свыше размерам и силе хорошее применение на футбольном поле и играл в ученической команде школы «Мэллард-Крик», мечтая о получении спортивной стипендии. Однако ему не хватало той единственной вещи, которая продвигала игроков по академической и социально-экономической лестнице: *животной ярости*.

Джош Ли Хэмилтон всегда был добродушен – даже чересчур. Он позволял гораздо более слабым мальчишкам дразнить себя. В разговор со всеми взрослыми он вставлял «да, сэр» или «да, мэм». Он просто не любил драться. Поэтому-то в середине восьмидесятых его футбольная карьера и сошла на нет. Как раз в то время заболела его мать Рэйлен. Доктора сказали, что у нее эритематозная волчанка, и болезнь была не смертельной, но для Рэйлен стала смертным приговором: поразив кожу, она принесла в ее жизнь непрекращающуюся

¹³ Законы Джима Кроу – неофициальное название законов о расовой сегрегации, действовавших на территории ряда южных штатов США вплоть до 1964 года.

боль и в итоге почти парализовала бедную женщину. Джош взвалил на свои плечи заботы о матери, а его сестры покинули родной дом, несчастливо вышли замуж и уехали из штата, оказавшись в итоге на бесперспективных работах. Джош готовил, убирался и хорошо ухаживал за матерью, и через несколько лет он так поднатерел в готовке, что смог устроиться поваром в ресторан.

У него был природный талант к кулинарии, особенно к приготовлению мяса, и он продвигался по службе на кухнях стейк-хаусов Южной Каролины и Джорджии. К началу двухтысячных он стал одним из самых востребованных шеф-поваров на Юго-Востоке и руководил крупными командами су-шефов, обслуживал роскошные мероприятия и даже удостоился публикации своей фотографии в журнале «Дома и жизненные уклады Атланты». И при этом он руководил своими кухнями по-доброму – а это было редкостью в ресторанном мире.

И теперь, среди этих ежедневных ужасов, томимый неразделенной любовью, Джош мечтал приготовить что-нибудь особенное для Лилли.

Но до этого момента они питались исключительно консервированными горохом и ветчиной, сухими хлопьями и молоком – ничто из этого не могло стать подходящим фоном для романтического ужина или для объяснения в любви. Все мясо и свежие продукты в округе много недель назад ушли на прокорм червям. Но Джош надеялся на кролика или дикого кабана, которые, быть может, скитались по окрестным лесам. Он бы приготовил рагу или потушил бы мясо с диким луком, розмарином и тем пино-нуар, которое Боб Стуки раздобыл в заброшенном винном магазине. Джош бы подал мясо с приправленной зеленью кукурузной кашей и добавил бы еще что-нибудь. Дамочки из палаточного лагеря делали свечи из сала, которое они нашли в кормушке для птиц. Было бы неплохо. Свечи, вино, может, еще припущенная груша на десерт – и Джош был бы готов. В садах все еще валялись перезревшие плоды. Может, к свинине он подал бы яблочную чатни. Да. Точно. И тогда Джош устроил бы ужин для Лилли и сказал бы ей, что он чувствует, как хочет быть с ней, защищать ее и быть ее мужчиной.

– Я знаю, куда ты клонишь, Лилли, – наконец сказал ей Джош, стряхнув пепел со своей сигары на камень. – И я хочу, чтобы ты поняла две вещи. Во-первых, в том, что ты сделала, нет ничего постыдного.

Она опустила взгляд.

– Ты имеешь в виду, в том, что я сбежала, поджав хвост, когда на тебя напали?

– Послушай. На твоём месте я бы поступил точно так же.

– Брехня, Джош! Я даже не...

– Дай мне договорить. – Он погасил сигару. – Во-вторых, я *хотел*, чтобы ты убежала. Ты меня не слышала. Я орал, чтобы ты убиралась оттуда к черту. Смысла не было – до второго молотка было не дотянуться, мы бы оба завязли с этими тварями. Понимаешь, о чем я? Тебе не стоит стыдиться того, что ты сделала.

Лилли вздохнула, по-прежнему не поднимая глаз. По ее носу скатилась слеза.

– Джош, я очень ценю то, что ты пытаешься...

– Мы команда, так? – Он наклонился, чтобы видеть ее красивое лицо. – Так?

Она кивнула.

– Мы неразлучны, верно?

– Верно, – снова кивнула Лилли.

– Мы как хорошо смазанный механизм.

– Ага. – Она вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Ладно.

– Давай все так и оставим. – Джош протянул ей свою влажную бандану. – Идет?

Она взглянула на бандану у себя на коленях, взяла ее, посмотрела на Джоша и выдавила из себя улыбку.

– Боже, Джош, да эта штука просто отвратительна!

Три дня палаточный городок вообще не подвергался атакам, спокойствие омрачило только несколько мелких инцидентов. Однажды утром группа детей наткнулась на подрагивавшее тело, валявшееся в придорожной канаве. Его серое, изъеденное червями лицо было обращено к верхушкам деревьев в бесконечной агонии, из горла раздавался хрип. Выглядело тело так, словно недавно встретилось с механической жатвенной машиной: там, где когда-то были руки и ноги, теперь торчали лишь неровные обрубки. Никто не мог понять, как это лишенное конечностей туловище оказалось здесь. Чад добил его единственным ударом топорика в прогнившую носовую кость. В другой раз, зайдя в общественный туалет, чтобы испражниться после обеда, один из престарелых обитателей лагеря вдруг с ужасом понял, что грешным делом справил большую нужду прямо на зомби. Ходячий как-то умудрился застрять в выгребной яме. Один из молодых мужчин без труда убил его одним ударом ручного бура.

Но эти события были друг с другом не связаны, и половина недели прошла без происшествий.

Передышка дала жителям лагеря время на то, чтобы организовать свой быт, закончить возведение последних убежищ, уложить припасы, изучить близлежащую территорию, привыкнуть к новому укладу жизни и сформировать группировки, коалиции и иерархии. Семьи – их было десять, – казалось, имели больше веса при принятии решений, чем одиночки. Какая-то солидность из-за того, что на их карту было поставлено больше, обязанность защищать детей, может, даже символизм, вкладываемый в воспитание семян будущего, – все это добавляло им некоторого негласного авторитета.

Среди патриархов этих семейств выделился фактический лидер – Чад Бингэм. Каждое утро он проводил собрания общины в цирковом шатре и распределял обязанности с серьезностью главаря мафии. Каждый день он важно обходил границы участка, заложив за щеку порядочную порцию табака и держа пистолет на виду. Зима была на подходе, а по ночам за деревьями то и дело слышались тревожные звуки, и Лилли волновалась из-за этого мнимого лидера. Чад следил за Меган, которая теперь переметнулась к одному из других мужей – на глазах у всех, включая его беременную жену. Лилли беспокоилась, что весь видимый порядок лагеря покоится на пороховой бочке.

Палатки Лилли и Джоша стояли всего ярдах в десяти друг от друга. Каждое утро Лилли просыпалась и сидела, смотря на застегнутый на молнию вход, поглядывала на палатку Джоша, пила быстрорастворимый кофе без кофеина и пыталась разобраться в своих чувствах к здоровяку. Ее трусливый поступок по-прежнему мучил ее, преследовал, являлся к ней во снах. Ей снились кошмары, в которых она видела окровавленную дверь того захваченного автобуса в Атланте, но теперь на части раздирали не ее отца – теперь по забрызганному кровью стеклу на глазах у Лилли сползал Джош.

Она снова и снова, вздрагивая, просыпалась от его обвиняющего взгляда внасквозь пропитанной холодным потом одежде.

Преследуемая кошмарами, в такие ночи Лилли без сна лежала в заплесневевшем спальном мешке и глазела на покрытую плесенью крышу ее крошечной палатки – эту потрепанную походную палатку, вонявшую дымом, засохшей спермой и выдохшимся пивом, она раздобыла во время вылазки в заброшенный лагерь. И, лежа так, она неизбежно слышала звуки. Слабые, доносившиеся из темноты за холмом, из-за деревьев, эти звуки смешивались с шумом ветра, трескотней сверчков и шуршанием листвы: неестественные хрипы и неровное шарканье напоминали Лилли тот звук, с которым вертелись в сушильной машине старые ботинки, глухо ударявшиеся о стенки.

Когда Лилли слышала эти отдаленные звуки, перед ее затуманенным от ужаса мысленным взором проносились жуткие черно-белые судебные фотографии, образы изуверченных тел, сведенных посмертным окоченением, но все еще двигавшихся, лица мертвецов, которые оборачивались и смотрели прямо на нее, немые фильмы-снафф¹⁴, где трупы танцевали, извиваясь как ужи на сковородке. Каждую ночь, лежа без сна, Лилли раздумывала, что на самом деле означали эти звуки, что происходило снаружи и когда следовало ожидать следующей атаки.

Некоторые из более пытливых жителей лагеря выстраивали целые теории.

Молодой парень из Афин по имени Хэрлан Стигел, ботаник-аспирант в очках в толстой роговой оправе, каждый вечер устраивал философские дискуссии у костра. Возбужденные от псевдоэфедрина, быстрорастворимого кофе и паршивой травки, с полдюжины отбросов общества пытались отыскать ответы на трудные вопросы, мучившие каждого: истоки эпидемии, будущее человечества и, возможно, самое важное для всех – закономерности поведения ходячих.

Этот мозговой центр пришел к выводу, что существовало только две возможности: (а) у зомби не было инстинктов, целей и поведенческих моделей, отличных от безотчетного поглощения пищи. Они представляли собой просто пучок нервных окончаний с зубами и отталкивались друг от друга, как смертоносные машины, которые просто нужно было «выключить». Или же (б) существовал сложный стереотип поведения, который ни один из выживших пока что не разгадал. Второй вариант поднимал вопрос о том, как зараза передавалась от мертвых к живым – только ли через укусы ходячих? – а также вопросы о стадном поведении, о применимости кривых обучения Павлова и даже более масштабных генетических закономерностей.

Другими словами, как выразился Хэрлан Стигел: «Двигутся ли эти мертвецы по какому-то странному, извращенному, упоротому эволюционному пути?»

За последние три дня до Лилли донеслось немало из этих бессвязных рассуждений, но она не обращала на них внимания. Времени на догадки или анализ ситуации у нее не было. Чем дольше мертвецы не нападали на палаточный городок, тем более уязвимой она себя чувствовала, несмотря на все меры предосторожности. Теперь были установлены почти все палатки, а по периметру площадки выстроилась баррикада из припаркованных автомобилей, и стало спокойнее. Люди обосновались на новом месте и стали держаться особняком. Несколько костров и плит, на которых готовили еду, быстро гасили из-за опасений, что поднимающийся дым или запахи привлекут нежданных гостей.

И все же каждую ночь Лилли становилось все страшнее. Казалось, надвигался холодный фронт. По ночам небо прояснялось, облака расходились, и каждое утро неровная земля, ограды и брезентовые палатки покрывались инеем. Похолодание резонировало с мрачными предчувствиями Лилли. Что-то ужасное казалось неизбежным.

Однажды ночью, перед тем как лечь спать, Лилли Коул достала из рюкзака небольшой переплетенный в кожу бумажный календарь. За недели, прошедшие с начала эпидемии, отказали практически все персональные устройства. Электричества не стало, мощные батареи исчерпали свой ресурс, все провайдеры испарились, и мир вернулся к основам: кирпичам, раствору, бумаге, огню, плоти, крови, поту и, по возможности, к *внутреннему сгоранию*. Лилли всегда была любительницей аналогового мира – ее дом в Мариетте наполнился виниловыми пластинками, транзисторными радиоприемниками, механическими часами и валявшимися повсюду первыми изданиями книг, – поэтому она без труда начала вести хронику эпидемии в маленьком черном блокноте с выцветшим логотипом «Американской семейной страховой компании», тисненным золотом на обложке.

¹⁴ Видеозаписи реальных убийств.

Той ночью она поставила жирный крест в квадрате, помеченном «Четверг, 1 ноября».

Следующим днем было второе ноября, и в этот день судьбе Лилли – как и многих других – суждено было бесповоротно измениться.

Пятничное утро выдалось ясным и морозным. Лилли проснулась, как только рассвело, подрагивая в своем спальном мешке. Нос ее был таким холодным, что, казалось, онемел. Она принялась второпях натягивать на себя всю одежду и почувствовала, как заныли ее суставы. Пospешив вылезти из палатки, она на ходу застегнула пальто и взглянула на палатку Джоша.

Здоровяк уже был на ногах и делал зарядку, одетый в рыбацкий свитер и пуховый жилет. Обернувшись, он заметил Лилли и спросил ее:

– Ну что, холодно?

– Давай сразу перейдем к следующему глупому вопросу, – ответила она, подойдя к его палатке и протянув руку за термосом дымившегося быстрорастворимого кофе, который Джош сжимал в своей огромной затянутой в перчатку руке.

– Люди запаниковали из-за погоды, – мягко сказал он, передав ей термос. Он кивнул в сторону трех грузовиков, стоявших заведенными на дороге у другого конца площадки. Пока он говорил, изо рта у него вылетали клубы пара. – Мы собираемся поехать в лес, собрать дров – столько, сколько удастся увезти.

– Я поеду с вами.

Джош покачал головой:

– Я только что говорил с Чадом – похоже, он хочет, чтобы ты присмотрела за его детьми.

– Ладно. Без проблем. Мне все равно.

– Это оставь себе, – сказал Джош, указывая на термос. Он взял топор, который был прислонен к его палатке, и улыбнулся Лилли: – Вернусь к обеду.

– Джош, – произнесла она, поймав его за рукав, пока он не отвернулся. – Будь в лесу осторожен.

Его улыбка стала шире.

– Само собой, куколка... Само собой.

Он повернулся и пошел к гравийной дороге, над которой висело облако выхлопных газов.

Лилли посмотрела, как люди расселись по кабинам, запрыгнули на подножки и залезли в кузова машин. В тот момент она не поняла, сколько шума производили три больших грузовика, которые одновременно заполнялись пассажирами: то и дело раздавались громкие голоса и хлопали дверцы, а воздух наполнялся угарным газом.

В процессе сборов ни Лилли, ни кто-либо еще не подумал, как далеко разнеслись звуки их отъезда в верхушках деревьев.

Лилли первой почувствовала опасность.

Бингэмы оставили ее в цирковом шатре присматривать за четырьмя девочками, которые резвились на ковре из прелой травы, бегая среди складных столиков, поставленных друг на друга ящиков из-под персиков и баллонов с бутаном. Внутри цирковой шатер освещался самодельными световыми фонарями – в потолке были проделаны отверстия, позволявшие солнцу попадать под навес, – а полотняные стены были насквозь пропитаны запахом плесени и перепревшего сена, десятилетиями лежавшего рядом с ними. Поставив на холодный земляной пол три сломанных садовых кресла, девочки как раз играли в музыкальные стулья.

Лилли должна была обеспечивать музыку.

– Да-ду-ду-ду... Да-да-да-да... – монотонно напевала Лилли своим слабым и тонким голосом один из старых хитов группы «Полис», пока девочки хихикали и бегали вокруг стульев.

Лилли задумалась. Через огромный проем с одной стороны шатра она смотрела на лагерь, широкая полоса которого виднелась в сером свете дня. На улице было пустынно: те, кто не отправился на вылазку, в основном сидели в своих палатках.

Лилли было страшно. Сквозь далекие деревья пробивалось холодное солнце, в огромном шатре слышался шепот ветра. Высоко на холме в бледном свете танцевали тени. Лилли показалось, что где-то там, возможно за деревьями, она расслышала шаркающие звуки, но она не была уверена. Может, это было всего лишь ее воображение. Может, это всего лишь шорохи внутри пустого трепещущего шатра обманывали ее уши.

Она отвернулась от входа и осмотрелась в поисках оружия. Около тачки с землей она заметила лопату, а затем увидела несколько садовых инструментов в грязном ведре. Из пластикового мусорного бака выглядывали остатки завтрака – бумажные тарелки с засохшей фасолью и омлетом из порошковых яиц, скомканные обертки от буррито, пустые коробочки из-под сока, – а рядом с ним стоял пластмассовый контейнер с грязными столовыми приборами. Приборы были из одного из модернизированных фургонов-пикапов, и Лилли разглядела в контейнере несколько острых ножей, но в основном там лежали пластиковые ложки-вилки с налипшими на них остатками пищи. Лилли задумалась, насколько эффективна такая ложка-вилка могла бы быть в борьбе против чудовищного слюнявого каннибала.

Она молча прокляла руководителей лагеря за то, что они не оставили огнестрельного оружия.

В палаточном городке остались престарелые жители – мистер Раймс, пара старых дев из Стокбриджа, восьмидесятилетний учитель на пенсии О’Тул, двое братьев-стариков из брошенного дома престарелых в Мейконе, – а также несколько женщин, большая часть которых сейчас была слишком занята стиркой и философской болтовней у дальней ограды, чтобы заметить хоть что-то подозрительное.

Помимо них, в лагере были только дети – из десяти семей. Некоторые еще прятались от холода в палатках, другие – пинали футбольный мяч у разрушенного фермерского дома. Каждую стайку ребятишек караулила женщина, ответственная за них.

Снова посмотрев сквозь проем, Лилли увидела в отдалении Меган Лафферти, которая сидела высоко на крыльце сгоревшего дома и делала вид, что следит за детьми, а не курит травку. Лилли покачала головой. Меган должна была присматривать за детьми Хеннесси. Страховой агент из Атланты Джерри Хеннесси уже несколько дней довольно неосмотрительно развлекался с Меган. Дети Хеннесси по возрасту были едва ли не самыми младшими в лагере: им было восемь, девять и десять лет. Самыми младшими детьми в палаточном городке оставались близняшки Бингэм и Рути, которые в это мгновение остановили игру и нетерпеливо смотрели на свою взволнованную няньку.

– Ну же, Лилли, – окликнула ее Сара Бингэм, отдуваясь у стопки ящиков из-под фруктов, положив руки на бедра. На ней был красивый, стильный свитер под ангору, который сводил Лилли с ума. – Пой еще!

Лилли снова повернулась к девочкам:

– Прости, милая, я просто...

Она замолчала, услышав звук, который шел с улицы, из-за деревьев. Звук был похож на скрежет, с которым штурмовали борт накренившегося корабля... Или на скрип, с которым медленно закрывали дверь дома с привидениями... Или, что более вероятно, на треск, с которым зомби тяжело ступали по бурелому.

– Девочки, я...

Раздался еще один звук, который оборвал Лилли на полуслове. Она резко развернулась ко входу в шатер, услышав громкий шорох, донесшийся с востока, нарушив спокойствие в ста ярдах от них, среди зарослей шиповника и кизила.

Оттуда неожиданно взлетела стайка сизых голубей, а за ними, подобно фейерверку, в воздух взмыли опавшие листья. Замерев от неожиданности, Лилли смотрела, как голуби серо-черными пятнами сформировали в небе неизвестное созвездие.

Словно повинувшись цепной реакции, у дальней кромки площадки вспорхнули еще две стайки голубей. Трепетавшие птицы беспокойно металась, рассеиваясь и вновь собираясь в косяки, подобно чернильным пятнам, колеблющимся в чистом бассейне.

Сизых голубей в этом регионе было полно – местные даже называли их «небесными крысами», утверждая, что мясо их вообще-то было довольно вкусным, если снять его с костей и поджарить на гриле, – но в последнее время их внезапное появление стало означать кое-что гораздо более страшное и пугающее, чем потенциальная возможность поесть.

Кое-что, что согнало птиц с насиженных мест и теперь приближалось к палаточному лагерю.

Глава третья

– Девочки, слушайте меня, – Лилли подскочила к младшей из дочек Бингэмов и взяла ее на руки. – Нужно, чтобы вы пошли со мной.

– Зачем? – Сара одарила Лилли фирменным взглядом недовольного подростка. – Что случилось?

– Милая, не спорь со мной, пожалуйста, – мягко сказала Лилли, и ее взгляд осадил девочку не хуже электрохлыста.

Сара поспешно повернулась, взяла близняшек за руки и повела их к выходу из шатра.

Лилли как вкопанная остановилась в проеме, заметив, как из леса в сорока ярдах от них возник первый зомби – крупный мужчина с лысым черепом синюшного цвета и молочно-белыми глазами, – и тут же стала заводить девочек обратно в шатер, сжимая в руках Рути и, еле дыша, бормоча:

– Меняем план, девочки, меняем план.

Быстро загнав детей обратно во мрак пропахшего плесенью пустого циркового шатра, Лилли усадила Рути на прелую траву около большого чемодана.

– Сидите очень тихо, – прошептала она.

Сара встала рядом, с близняшками по обе стороны от себя. На лице ее застыл ужас, глаза округлились.

– Что происходит?

– Просто тихонько сидите здесь.

Лилли поспешила обратно ко входу в шатер и вступила в схватку с тяжелым куском материи, служившим дверью, который был подвязан веревками на высоте десяти футов¹⁵. Она дергала за веревки, пока материя не рухнула вниз, закрыв проем.

Изначальный план, моментально родившийся у Лилли в голове, заключался в том, чтобы спрятать детей в одной из машин, желательно в такой, у которой был ключ в замке зажигания, на случай если придется спешно отступать. Но теперь Лилли не придумала ничего лучше, чем затаиться в пустом шатре и надеяться, что остальные жители лагеря отразят атаку.

– Давайте теперь поиграем в другую игру, – сказала Лилли, вернувшись к прижавшимся друг к другу девочкам.

Откуда-то с другой стороны площадки донесся крик. Лилли постаралась унять дрожь, пока в голове ее эхом отдавался голос: «Черт возьми, ты, тупая корова, придется тебе ради этих девочек раз и навсегда отрастить себе яйца».

– Правильно, давайте сыграем в другую игру, – отозвалась Сара, глаза которой блески от страха.

Она понимала, что происходит. Крепче сжав ладошки своих сестер-близняшек, она вслед за Лилли прошла между двух высоких стопок ящиков из-под фруктов.

– Мы будем играть в прятки, – объяснила Лилли маленькой Рути, онемевшей от ужаса. Под руководством Лилли все четыре девочки спрятались в тени за ящиками, прижавшись к земле и тяжело дыша. – Шевелиться нельзя. И нужно сидеть очень, очень, очень тихо. Хорошо?

Голос Лилли как будто бы ненадолго успокоил их, но даже самая младшая из девочек понимала, что это была не игра, не притворство.

– Я сейчас вернусь, – шепнула Лилли Саре.

¹⁵ Британская мера длины; примерно 30 см.

– Нет! Подожди! НЕ УХОДИ! – Сара схватилась за пуховик Лилли, ни в какую не желая отпускать ее; в глазах девочки читалась мольба.

– Я не уйду – просто возьму кое-что в другом конце шатра.

Лилли высвободилась и на четвереньках поползла по ковру из примятой травы к стоявшим у длинного центрального стола ведрам. Она взяла лопату, прислоненную к тачке, а затем ползком вернулась в укрытие.

Все это время за колыхавшимися на ветру стенами шатра слышались ужасные звуки, которые наслаивались и нагромождались друг на друга. Воздух пронзил еще один крик, затем раздались торопливые шаги, а затем топор с треском вошел в чей-то череп. Лидия застонала, и Сара цыкнула на нее, а Лилли присела на корточки рядом с девочками. От страха у нее перед глазами все расплывалось.

Холодный ветер приподнял одну из парусиновых стенок шатра, и на короткий миг в образовавшуюся щель Лилли увидела, как стремительно развивалась атака. К уставленной палатками площадке приближалось по крайней мере две дюжины ходячих – виднелись только их грязные ноги, спотыкавшиеся, как у жертв инсульта. Жители лагеря, в основном женщины и старики, разбежались в разные стороны.

Наблюдение за атакой на время отвлекло Лилли, и она не заметила звука, раздавшегося позади девочек.

Под стенку шатра пролезла окровавленная рука, которая стала шарить по сторонам в нескольких дюймах от ног Сары.

Рука мертвеца нащупала лодыжку девочки, и Сара вздрогнула. Почерневшие ногти вцепились в нее, подобно когтям животного. Рука была потрепанной и изодранной и высывалась из драного рукава погребального костюма, и девочка задрожала от неожиданности. Сара инстинктивно поползла прочь от нападавшего и своим движением втащила остальную часть зомби внутрь шатра.

Сестры невпопад завизжали и закричали, и Лилли вскочила на ноги, крепко сжимая лопату в потных ладонях. В дело вступили инстинкты. Лилли развернулась и занесла лопату над головой. Мертвец клацал зубами в воздухе с яростью каймановой черепахи, а Сара извивалась и брыкалась, лежа на холодной земле, вопя от ужаса и таща зомби все дальше.

Прежде чем гнилые челюсти получили шанс атаковать ее, Лилли обрушила лопату на голову зомби, и раздался глухой звон, подобный звону разбитого гонга. Удар по черепу отдался в запястьях Лилли, заставив ее отшатнуться.

Сара высвободилась из холодных пальцев и поднялась на ноги.

Лилли обрушила лопату снова... и еще раз. Металл опять издал глухой звон церковного колокола, и мертвец залился ритмично пульсировавшим потоком черной артериальной крови и прогнившего серого вещества. После четвертого удара череп с влажным треском проломился, и по прелой траве расползлась черная пена.

К этому моменту Сара подбежала к сестрам, девочки ухватились друг за друга и поплыли к выходу из шатра. Глаза их были расширены, все они постанывали от ужаса. Позади них на ветру шумно колыхался огромный кусок парусины, закрывавший проем.

Лилли отвернулась от искалеченного трупа в изодранном полосатом костюме и посмотрела в сторону выхода в двадцати пяти футах от нее, но вдруг замерла и схватила Сару за рукав:

– Стой, Сара, подожди... СТОП!

Гигантский кусок парусины с другой стороны циркового шатра приподнялся на ветру, открыв взгляду Лилли по меньшей мере полдюжины ходячих, столпившихся у входа. Они рывками ковыляли прямо под навес – все взрослые, мужчины и женщины, одетые в потрепанную, забрызганную кровью одежду и собравшиеся в неуклюжую группу. Их изъеденные червями мутные глаза смотрели прямо на девочек.

– Сюда!

Лилли толкнула Сару в другой конец шатра – футах в ста пятидесяти от них, – и девочка схватила на руки малышку Рути. Близняшки поспешили за ними, поскальзываясь на влажной прелой траве. Лилли показала на нижнюю часть парусиновой стены, которая теперь была уже в ста футах, и, задыхаясь, прошептала:

– Пролезем под шатром.

На полпути до противоположной стены дорогу им преградил еще один ходячий.

Этот тощий изувеченный труп в линялом джинсовом комбинезоне, очевидно, пролез под парусиновой стенкой и теперь шел прямо на Сару. У него не было половины лица, и с одной стороны виднелись окровавленные десны и зубы. Лилли встала между зомби и девочкой и изо всех сил ударила мертвеца лопатой, обрушив весь ее вес на изуродованный череп и отбросив ходячего в другую сторону.

Зомби впечатался в центральную балку, и его вес вкупе с инерцией заставил ее пошатнуться. Растяжки лопнули. Раздался громкий треск, словно корабль столкнулся с глыбой льда, и три из четырех девочек Бингэм завизжали. Тяжелый шатер стал оседать под собственным весом, ломая остальные подпорки, как спички, и выдирая колышки из земли. Конусообразная крыша провалилась вниз, как гигантская порция суфле.

Шатер погреб под собой девочек, и мир потемнел. Воздуха не хватало, а вокруг все копошилось.

Лилли колотила руками по тяжелой материи и пыталась сориентироваться, все еще сжимая лопату. Парусина придавила ее к земле, подобно сошедшей лавине. Она услышала приглушенные стоны детей и заметила свет в пятидесяти футах от себя. Не выпуская из руки лопату, она поползла под материей к этому свету.

В конце концов она наткнулась ногой на плечо Сары и крикнула:

– Сара! Возьми меня за руку! Скажи девочкам держаться друг за друга и тяни!

В это мгновение ход времени для Лилли замедлился, как часто бывает в процессе катастроф, и несколько вещей произошли практически одновременно. Лилли добралась до края упавшего шатра и вылезла из-под него; ветер и холод ободряли ее, и она сильно потянула на себя Сару, за которой на поверхность вынырнули еще две девочки, визжавшие, подобно кипевшему чайнику.

Лилли вскочила на ноги и помогла подняться Саре и остальным.

Одной из девочек – Лидии, которая, как утверждала Сара, была «на целых полчаса» младше своей сестры-близняшки, – не было. Лилли оттолкнула девочек от шатра и сказала им не приближаться к нему, но и не отходить далеко, а затем повернулась и заметила кое-что, от чего ее сердце замерло.

Под упавшим парусиновым куполом все кишело. Лилли схватила лопату и уставилась прямо перед собой. Ее ноги и позвоночник словно сковало льдом. Она не в силах была вздохнуть, смотря лишь на маленький комок материи, который копошился в двадцати футах от нее, – это была Лидия, отчаянно пытавшаяся выбраться наружу. Парусина заглушала крики ребенка.

Но самое страшное – из-за чего Лилли Коул и окаменела – другие комья целенаправленно, как кроты, ползли к маленькой девочке.

И тут страх отключил предохранитель в голове Лилли, и по ее жилам пробежал очистительный огонь ярости, пронизавший ее до мозга костей.

Она тут же приступила к действиям. Выброс адреналина направил ее к кромке упавшего шатра, гнев напряг все ее мускулы. Она подняла парусину и набросила ее на голову, ползком продвигаясь вперед в поисках девочки:

– ЛИДИЯ! МИЛАЯ, Я ЗДЕСЬ! ИДИ КО МНЕ, МИЛАЯ!

В расползшейся под парусиной темноте в пятнадцати футах от себя Лилли заметила маленькую светловолосую девочку, которая по-лягушачьи брыкалась, стараясь выбраться из складок материи. Лилли закричала снова, нырнула глубже под шатер, протянула вперед руку и уцепилась за свитер девочки, а затем потянула Лидию на себя что было мочи.

И тут Лилли заметила израненную руку и бескровное синее лицо, которые появились в темноте всего в нескольких дюймах¹⁶ от ребенка. Зомби неуклюже пытался ухватить девочку за ее ботинок «Хеллоу Китти». Прогнившие неровные ногти вцепились в подошву кроссовки Лидии как раз тогда, когда Лилли смогла вырвать девочку из тисков заплесневелой материи.

Вместе с ребенком Лилли повалилась на спину, снова увидев холодный дневной свет.

Они откатились на несколько футов от шатра, и Лилли заключила девочку в медвежьи объятия.

– Все хорошо, малышка, все хорошо. Ты со мной, ты в безопасности.

Девочка всхлипывала и шмыгала носом, но времени успокаивать ее не было. Наступление на лагерь продолжалось, и вокруг раздавались гул голосов и шуршание брезента.

Все еще стоя на коленях, Лилли махнула другим девочкам, чтобы они подошли к ней.

– Так, девочки, слушайте меня. Смотрите, сейчас надо действовать быстро, очень быстро, не отходить друг от друга и делать все так, как я говорю.

Встав на ноги, Лилли перевела дух. Затем она схватила лопату, повернулась и увидела, какой хаос царил в палаточном городке.

На площадку спускалось все больше ходячих. Некоторые из них двигались группами по трое, четверо или пятеро, хрипя и пуская слюни от безумного, дикого голода.

Среди криков и всеобщего смятения – обитатели лагеря разбегались во все стороны, заводились машины, сверкали топоры, обрывались бельевые веревки – некоторые палатки содрогались от неистовых сражений, которые шли *внутри*, а атакующие прорывались дальше, выискивая парализованных жителей. Одна из небольших палаток завалилась набок, в ее проеме торчали ноги, отчаянно брыкавшиеся в воздухе. В другой в разгаре была неистовая трапеза: на полупрозрачных нейлоновых стенках расплывались контуры кровавых пятен.

Лилли разглядела чистую дорожку, которая вела прямо к припаркованным в пятидесяти ярдах от них машинам, и повернулась к девочкам:

– Вы должны идти прямо за мной... Хорошо? Держитесь рядом и не шумите. Ладно?

Девочки согласно кивали, и Лилли подтолкнула их в другую сторону площадки... В самое пекло.

Те, кому повезло выжить в этой необъяснимой эпидемии, быстро поняли, что главным преимуществом человека в сравнении с ожившим трупом была скорость. При благоприятных обстоятельствах человеку несложно было обогнать даже самого крепкого ходячего мертвеца. Но это физическое превосходство сходило на нет перед лицом целого стада. С каждым добавочным зомби опасность росла экспоненциально, пока жертву не поглощало медленное цунами щербатых зубов и почерневших челюстей.

Эту суровую правду Лилли довелось узнать по дороге к ближайшей припаркованной машине.

На гравийной обочине подъездной дорожки менее чем в пятидесяти ярдах от циркового шатра стоял побитый, забрызганный кровью серебристый «Крайслер-300» с багажником на крыше, под углом припаркованный в тени рожкового дерева. Стекла были подняты, но Лилли все-таки полагала, что они смогут по крайней мере попасть внутрь, если не завести

¹⁶ Дюйм – британская мера длины, около 2,5 см.

машину Была даже вероятность, что ключи торчали в замке зажигания. Многие оставляли их так на случай быстрого непредвиденного бегства.

К сожалению, площадка уже кишела мертвецами, и Лилли с девочками едва смогли преодолеть десять ярдов по поросшей сорняками почве, как с обоих флангов к ним стало приближаться несколько атакующих.

– Держитесь позади меня! – крикнула Лилли своим подопечным и нанесла удар лопатой.

С резким металлическим звоном лопата обрушилась на истлевшую щеку женщины в забрызганном кровью халате, и ходячая налетела на двух шедших рядом мужчин в грязных комбинезонах, которые повалились на землю, словно кегли. Женщина же удержалась на ногах, пошатываясь от удара, замахала руками и продолжила наступление.

Когда Лилли с девочками пробежали еще пятнадцать ярдов по направлению к «Крайслеру», дорогу им преградила другая группа зомби. Лопата со свистом пронеслась в воздухе и рассекла переносицу молодого ходячего. Следующий удар пришелся на челюсть мертвой женщины в грязной норковой шубе. Еще один пробил череп сгорбившейся старухи, сквозь больничный халат которой проглядывали внутренности, но та лишь пошатнулась и дала задний ход.

В конце концов девочки добрались до «Крайслера». Лилли дернула пассажирскую дверцу и обнаружила, что она, к счастью, была не заперта. Пока толпа ходячих приближалась к машине, она аккуратно, но быстро сунула Рути на переднее сиденье. С рулевой колонки свисали ключи – опять повезло.

– Оставайся в машине, дорогая, – сказала Лилли девочке и захлопнула дверь.

Сара вместе с близняшками тем временем подскочила к правой задней двери.

– САРА! БЕРЕГИСЬ!

Вопль Лилли перекрыл стоявший в воздухе гул первобытного рычания дюжины ходячих, возникших за спиной Сары. Девочка рывком открыла заднюю дверь, но времени запихнуть сестер в машину не осталось: близняшки во весь рост растянулись на траве.

Сара истошно орала. Лилли попыталась встать с лопатой между девочкой и ожившими трупами и смогла рассечь еще один череп – огромную голову чернокожего мертвеца в охотничьей куртке, – и ходячий, шатаясь, направился в обратную сторону. Но атакующих было слишком много: со всех сторон они стекались к пище.

В последовавшем хаосе близняшки сумели доползти до машины и захлопнуть за собой дверь.

Здравомыслие Сары отказало, глаза налились яростью, и она испустила жуткий крик, отпихнув медленного ходячего со своего пути. Она заметила просвет, кинулась в него и рванула вперед.

Лилли заметила, как девочка побежала к цирковому шатру.

– САРА! СТОЙ!

Сара преодолела половину расстояния, но тут группа зомби наглухо окружила ее, преградив ей дорогу во все стороны и подмяв девочку под себя. Она тяжело упала на влажный дерн; мертвецов стало еще больше. Первый укус пришелся в район живота и разодрал ее свитер под ангору. Ходячий оторвал кусок плоти с ее туловища, и Сара оглушительно закричала. Гнилые зубы вошли в ее шею. Вокруг девочки растеклась темная лужа крови.

В двадцати пяти ярдах оттуда, рядом с машиной, Лилли боролась со все увеличивавшейся массой скрежетавших зубов и мертвой плоти. Теперь вокруг было штук двадцать ходячих – и большая их часть, приближаясь к «Крайслеру», с гротескным энтузиазмом предвкушала скорую трапезу Их почерневшие челюсти жадно сжимались и разжимались, а за забрызганными кровью окнами машины в немом ужасе замерли три маленькие девочки.

Лилли снова и снова наносила удары лопатой, но ее усилия против растущей толпы были тщетными. Каждая клеточка ее мозга напряглась, когда она услышала жуткие звуки гибели Сары в другой стороне площадки. Крики девочки разнеслись по округе и захлебнулись, сменившись слабыми стонами. Над ней склонилось по меньшей мере шесть ходячих, которые вгрызались в ее окровавленный живот, раздирая его и пережевывая ее внутренности. Кровь фонтаном хлестала из ее растерзанного тела.

В стороне, у припаркованных машин, Лилли вонзила лопату в очередной череп, и внутри у нее похолодело. От ужаса разум ее помутился, озаряясь лишь отдельными проблесками понимания, и в конце концов заикнулся на единственном плане действий: «Отгони их от «Крайслера».

Эта единственная задача – «Отгони их от детей» – молчаливо, но настойчиво, как бесшумный охотничий свисток, требовала действий, мобилизовав Лилли и зарядив все ее тело энергией. Она развернулась и ударила лопатой по переднему крылу «Крайслера».

Раздался звон. Дети внутри машины вздрогнули от испуга. Синевато-серые лица мертвецов повернулись на шум.

– СЮДА! СЮДА!!!

Лилли бросилась прочь от «Крайслера» в сторону ближайшей машины, припаркованной в неровном ряду остальных, – это был помятый «Форд Таурус», одно из окон которого прикрывала картонка, – и со всей силы ударила лопатой по крыше. Новый металлический звон привлек внимание большего числа ходячих.

Сама Лилли поспешила к следующей машине. Она обрушила лопату на левое переднее крыло, и снова раздался приглушенный звон.

– СЮДА! СЮДА! СЮДА!

Среди всего шума голос Лилли звучал, как рев больного животного. Усиленный ужасом, хриплый от шока, невыразительный, он отдавал безумием. Она колотила лопатой по одной машине за другой, не понимая толком, что делает, и более не контролируя себя. Все больше и больше зомби обращали на нее внимание и начинали лениво, неуклюже идти на шум.

Лилли понадобилось всего несколько секунд, чтобы добраться до последней машины в ряду – тронутого ржавчиной пикапа «Шевроле С-10» – и обрушить лопату на нее. Но к этому моменту на ее призыв откликнулись почти все ходячие, которые теперь медленно, тупо и неловко продвигались на звук ее отчаянных воплей.

На площадке остались лишь те шесть мертвецов, которые по-прежнему жадно пожирали Сару Бингэм, лежавшую на земле возле поверженного гигантского циркового шатра.

– СЮДА! СЮДА! СЮДА! СЮДА! СЮДА! СЮДА! СЮДА!!! СЮДА-А-А! – орала Лилли, перебежав через дорогу и начав взбираться на поросший деревьями холм.

Пульс ее подскочил, зрение затуманилось, воздуха не хватало. Она отбросила лопату и побежала вверх по мягкой лесной почве. Ее трекинговые ботинки увязали в грязи. Лилли нырнула в лес и плечом ударилась о ствол старой березы. В голове запульсировала боль, из глаз посыпались искры. Теперь она двигалась по воле инстинкта, и стадо зомби поднималось на холм прямо за ней.

Зигзагами продвигаясь в глубь леса, она потеряла ориентир. Позади нее ходячие замедлили свой шаг, упустив ее запах.

Времени больше не существовало. Словно во сне, Лилли почувствовала, как постепенно останавливается, как смолкают ее крики, как ее ноги увязают в невидимом зыбучем песке кошмаров. Она заходила все дальше в лес, деревьев становилось больше, и темнота сгущалась.

Лилли подумала о Саре, о бедной Саре в милом розовом свитере из ангоры, которая теперь лежала в луже собственной крови, и ужас происшедшего подкосил ее. Ноги стали ватными, и Лилли осела на мягкий ковер из прелых сосновых иголок, разлагающихся тканей и бесконечных циклов смерти и возрождения. На последнем дыхании, всхлипнув, Лилли испустила вздох, полный боли, и из ее глаз полились слезы, оросившие почву.

Так, не слышима никем, она проплакала довольно долго.

Поисковый отряд нашел Лилли ближе к вечеру. Возглавляемая Чадом Бингэмом хорошо вооруженная группа из пяти мужчин и трех женщин заметила голубую флисовую куртку Лилли рядом с упавшим деревом в тысяче ярдов к северу от палаточного городка. Девушка лежала на поляне в кустах ежевики под навесом из сосен среди холодной тьмы лесной чаши и, казалось, была без сознания.

– Осторожно! – крикнул Чад Бингэм своему помощнику, худосочному механику из Августы по имени Дик Фенстер. – Она могла уже обратиться, если еще двигается!

В морозном воздухе послышалось прерывистое дыхание. Фенстер с опаской вышел на поляну, держа наготове свой короткоствольный револьвер 38-го калибра: курок был взведен, палец подергивался на спусковом крючке. Он встал на колени перед Лилли, внимательно посмотрел на нее и снова повернулся к группе:

– Она в порядке! Жива... Укусов нет – и вообще ничего. Она в сознании!

– Ненадолго?! – прорычал Чад Бингэм, направившись к поляне. – Из-за этой чертовой трусихи погибла моя девочка...

– Эй! Эй! – Между Чадом и Лилли выросла Меган Лафферти. – Постой-ка секунду, погоди!

– Уйди с дороги, Меган!

– Сделай глубокий вдох.

– Я просто поговорю с ней.

Повисла неловкая пауза, которую заметили все присутствовавшие. Остальные участники поисковой группы стояли за деревьями, опустив взгляд. Их напряженные, измученные лица выдавали все тяготы этого дня. Некоторые мужчины были оглушены потерей; глаза их покраснели.

Вернувшись со своей вылазки за дровами и еще слыша шум двигателей и стук топоров, они с ужасом обнаружили лагерь в чудовищном беспорядке. Люди и зомби валялись на залитой кровью земле. Было убито шестнадцать поселенцев, включая девять детей, – некоторых из них сожрали. Джош Ли Хэмилтон взял на себя грязную работу и расправился с оставшимися ходячими и теми несчастными людьми, останки которых остались невредимыми. Больше никому не хватало сил прострелить головы своим друзьям и любимым, чтобы обеспечить им вечный покой. В последнее время инкубационный период, как ни странно, становился все более непредсказуемым. Некоторые жертвы восставали уже через несколько минут после укуса. Другим требовались долгие часы – или даже дни, – чтобы обратиться. И сейчас Джош все еще был в лагере и руководил командой, занимавшейся расчисткой территории и готовившей погибших к массовому погребению. Чтобы снова установить цирковой шатер, потребовались еще сутки.

– Друг, я не шучу... Послушай, – сказала Меган Чаду, понизив голос, который звучал мягко, но настойчиво. – Я знаю, что ты вне себя и все такое... Но она спасла трех твоих дочек. Говорю тебе, я своими глазами видела. Она увела ходячих, рискуя, черт возьми, своей жизнью.

– Я просто... – Чад выглядел так, словно готов был либо расплакаться, либо раскричаться. – Просто... Хочу поговорить.

– Твоя жена в лагере сходит с ума от скорби... Ты ей нужен.

– Я просто...

Снова повисло неловкое молчание. В тени деревьев тихонько заплакал один из отцов, и его револьвер упал на землю. Было уже почти пять часов. Холодало. Дыхание каждого из измученных людей клубилось в воздухе облачками пара. На другой стороне поляны Лилли села и вытерла губы, пытаясь прийти в себя. Она выглядела как лунатик. Фенстер помог ей подняться на ноги.

Чад смотрел в землю.

– Хрен с ним. – Он развернулся и пошел прочь, еще раз сказав: – Хрен с ним.

На следующий день под холодным, затянутым тучами небом обитатели палаточного городка провели импровизированную погребальную службу по погибшим друзьям и близким.

Почти семьдесят пять выживших выстроились широким полукругом у братской могилы, вырытой в восточной стороне площадки. Некоторые держали в руках свечи, пламя которых упрямо мерцало на октябрьском ветру. Другие опирались друг на друга, содрогааясь от скорби. Боль, опалившая некоторые лица – особенно лица опечаленных родителей, – отражала отчаянную неразборчивость этого зараженного чумой мира. Детей забрали у них с беспощадной неожиданностью молнии, и теперь на лицах собравшихся застыла опустошенность, а их горевшие глаза блестели в холодном серебристом свете дня.

На небольшом холмике глины, выросшем за забором, сложили пирамиду из камней. Отдельными камешками отметили и каждую из шестнадцати могил. Кое-где среди камней появились букетики диких цветов. Джош Ли Хэмилтон положил несколько мелких белых роз чероки, которые в изобилии росли вокруг фруктовых садов, на могилу Сары Бингэм. Здоровяку нравилась задорная, остроумная девочка, и ее смерть разбила его сердце.

– Господи, просим тебя, возьми в свое лоно наших погибших друзей и соседей, – сказал Джош, стоя у изгороди.

Ветер трепал армейскую куртку оливкового цвета, которая была натянута на его массивный торс. На его обветренном лице блестели слезы.

Джош был воспитан баптистом и, хотя за годы и растерял большую часть своих религиозных чувств, этим утром спросил обитателей лагеря, может ли он сказать на похоронах несколько слов. Баптистов не особенно заботили молитвы о мертвых. Они верили, что праведники попадали в рай прямо в момент смерти, а неверующие так же быстро оказывались в аду. Но Джош все-таки чувствовал, что должен сказать что-нибудь.

Чуть раньше в тот день он встретил Лилли и обнял ее, прошептав несколько слов, чтобы ее успокоить. Однако он понимал, что что-то было не так. Внутри нее поселилась не только скорбь. В его медвежьих объятиях она обмякла и непрестанно подрагивала всем своим хрупким существом, словно раненая птица. Она почти ничего не сказала – лишь то, что хочет побыть одна, – и не пришла на погребальную службу.

– Просим тебя, заberi их в лучшее место, – продолжил Джош, и тут его низкий баритон оборвался.

Работа по расчистке лагеря не прошла для здоровяка даром. Он силился держать себя в руках, но чувства душили его.

– Просим тебя... тебя...

Продолжить он не смог. Джош развернулся, уронил голову на грудь, и из его глаз тихо полились слезы. Дыхание перехватило. Он не мог оставаться там и, едва понимая, что делает, стал удаляться от толпы, от мягких и жутких звуков плача и молитв.

В тот день, замкнувшись в своей скорби, он упустил многое, в том числе и то, что на погребении подозрительно отсутствовала не только Лилли Коул. Не было и Чада Бингэма.

– Ты в порядке?

Лилли держала дистанцию и нервно ломала руки, стоя на поляне в пятнадцати футах от Чада Бингэма.

Мужчина в кепке с логотипом «Джон Дир» долго молчал. Он просто стоял у кромки леса спиной к Лилли. Голова его была опущена, а плечи опали, словно приняв на себя тяжелый вес.

За несколько минут до начала погребальной службы Чад Бингэм неожиданно подошел к палатке Лилли и спросил девушку, могут ли они поговорить наедине, сказав, что хочет расставить все по своим местам. Он уверил Лилли, что не винит ее в гибели Сары, и та поверила ему, заметив его душераздирающий взгляд.

Поэтому она и пришла за ним на эту поляну среди густой рощи деревьев к северу от лагеря. Поляна была небольшой – всего пара сотен квадратных футов покрытой опавшими сосновыми иголками земли, окруженной замшелыми камнями, – и раскинулась под навесом из зеленой листвы. Серый солнечный свет проникал внутрь широкими лучами, в которых клубились частички пыли. В прохладном воздухе пахло гнилью и испражнениями животных.

Поляна находилась достаточно далеко от палаточного городка, чтобы обеспечить уединение.

– Чад...

Лилли хотела сказать что-нибудь, хотела объяснить ему, как сожалела о случившемся. Впервые с момента знакомства с этим мужчиной, который поначалу шокировал ее своей готовностью флиртовать с Меган прямо под носом у своей жены, Лилли почувствовала, что Чад Бингэм был всего лишь человеком... Несовершенным, испуганным, чувствующим, смятенным и опустошенным потерей своей дочери.

Другими словами, он был просто обычным парнем – не лучше и не хуже других выживших. И Лилли ощутила, как ее захлестнула волна симпатии.

– Хочешь поговорить об этом? – наконец спросила она.

– Да, наверное... А может, и нет... Я не знаю.

Он все еще стоял к ней спиной, и слова по одному вырывались из него, как капли из подтекающего крана, звуча столь же слабо, как капающая вода. От скорби он ссутулился и слегка подрагивал в тени сосен.

– Мне так жаль, Чад. – Лилли подошла к нему ближе. В глазах ее стояли слезы. – Я любила Сару. Она была необыкновенной.

Чад произнес что-то так тихо, что Лилли не расслышала его, подошла еще ближе и мягко положила руку на плечо мужчины:

– Я знаю, в такой момент ничего не скажешь...

Она обращалась к его затылку. На пластиковом ярлыке, пришитом сзади к его кепке, значилось «Спалдинг»¹⁷. Между жилок на его шее была вытатуирована небольшая змейка.

– Это, конечно, не может утешить, – добавила Лилли, – но Сара погибла, как герой. Она спасла жизнь своим сестрам.

– Правда? – Его голос был лишь чуть-чуть громче шепота. – Она была очень хорошей.

– Так и есть... Она была невероятной.

– Ты так думаешь?

Чад по-прежнему стоял спиной. Его голова была опущена. Плечи подрагивали.

– Конечно, Чад. Она была настоящим героем, одной на миллион.

– Правда? Ты так считаешь?

– Несомненно.

¹⁷ Американский бренд спортивной одежды.

– Тогда почему ты не смогла справиться со своей ЧЕРТОВОЙ РАБОТОЙ?!

Повернувшись, Чад так сильно ударил Лилли тыльной стороной ладони, что она прикусила язык. Сердце ее заколотилось быстрее, перед глазами замелькали мушки.

Чад снова ударил ее, и, попятившись, она споткнулась о торчавший из земли корень и повалилась на траву. Чад навис над ней. Кулаки его были сжаты, глаза сверкали.

– Ты тупая, никчемная сучка! Тебе нужно было лишь защищать моих девочек! С этим справилась бы и чертова обезьяна!

Лилли попыталась отползти, но Чад ударил ее в бедро стальным носком своего ботинка и повернул девушку на бок. Боль пронзила ее грудь. Она отчаянно хватала воздух, ее рот был полон крови.

– П-пожалуйста, не...

Чад наклонился и поставил ее на ноги. Схватив ее за свитер, он шипел на нее, и она ощущала на своем лице его горячее дыхание.

– Ты что, вместе со своей шлюховатой подружкой считаешь, что тут вечеринка какая-то? Ты прошлой ночью травку курила? А?

Правый хук Чада обрушился на челюсть Лилли, выбив ей зубы и снова повалив девушку на землю. Она скорчилась в муках, захлебываясь кровью. Два ребра треснули. Она не могла вдохнуть. По телу разлился жуткий холод, затуманивший ее взгляд.

Она едва видела, как мускулистый, коренастый Чад Бингэм навис над ней и тут же навалился на нее всем своим весом. С уголка его рта в бесконтрольной ярости стекала слюна, он плевался.

– Отвечай мне! Ты курила травку, когда была с моими детьми?

Лилли почувствовала, как сильные руки Чада сомкнулись на ее горле. Он колотил ее затылком о землю.

– ОТВЕЧАЙ МНЕ, ТЫ, ЧЕР...

Неожиданно позади Чада Бингэма возникла третья фигура, которая оттолкнула его от Лилли. Разглядеть, кто это, было непросто.

Лилли заметила лишь силуэт мужчины столь огромного, что он закрыл собой солнце.

Джош вцепился в джинсовую куртку Чада Бингэма и изо всех сил дернул его.

То ли из-за неожиданного выброса адреналина, руководившего здоровяком, то ли просто из-за относительной худобы Чада, в результате этого действия последний, как снаряд, по широкой дуге пролетел над поляной. Один из его ботинок сорвался с ноги, кепка, завертевшись, исчезла среди деревьев. Он плечом впечатался в ствол старого дерева. Дыхание его перехватило, и он сполз по стволу на землю. Хватая ртом воздух, он изумленно моргал.

Джош опустился на колени рядом с Лилли и нежно дотронулся до ее окровавленного лица. Она попыталась сказать что-то, но кровоточившие губы не слушались. У Джоша вырвался тяжелый вздох, стон боли, который шел прямо из его нутра. Что-то в ее лице – с глазами цвета морской пены и разбросанными по щекам веснушками, – которое теперь было забрызгано кровью, вызвало в нем ярость, заставшую тонкой пеленой его взгляд.

Здоровяк поднялся, развернулся и направился в противоположную сторону поляны, где корчился от боли Чад Бингэм.

Джош видел лишь молочно-белый силуэт человека на земле. Бледный солнечный свет едва пробивался сквозь густой воздух. Чад сделал слабую попытку уползти, но Джош без труда схватил его брыкавшиеся ноги и единственным решительным броском снова перекинул тело Чада под дерево. Затем Джош поставил поджарого мужчину на ноги и прислонил его спиной к стволу.

Давясь скопившейся во рту кровью, Чад пробормотал:

– Это... вообще не твоё... Не-е-ет! Пожалуйста... брат... не стоит этого де...

Джош впечатал извивавшееся тело мужчины в ствол столетнего дуба. Череп Чада хрустнул, а между лопаток словно внезапно и жестоко вонзили осадный таран.

Чад издал жуткий сдавленный крик, скорее животный и неосознанный, чем сознательный. Его глаза закатились. Если бы Чада Бингэма снова и снова толкали в спину осадным тараном, сила этих ударов не сравнилась бы с той мощью, с которой Джош Ли Хэмилтон теперь принялся колотить жилистого мужчину в джинсовой куртке о дерево.

– Я тебе не брат, – сказал Джош с мрачным спокойствием.

Низкий бархатный голос вырвался откуда-то из самых глубин здоровяка, пока он снова и снова ударял безвольно, как тряпичная кукла, висевшего в его руках мужчину о ствол дуба.

Джош редко терял контроль над собой. Это случалось всего несколько раз в его жизни: однажды на футбольном поле, когда нападающий команды противника – славный малый из Монтгомери – назвал его черномазым... И еще когда карманник в Атланте выхватил кошелек из сумки его матери. Но сейчас тихий шторм внутри него бушевал сильнее, чем когда-либо прежде. Его действия вышли из-под контроля, но при этом он как-то руководил ими, снова и снова колотя Чада Бингэма затылком о дерево.

Голова Чада дергалась при каждом ударе, затылок проваливался, и к глухому стуку начало примешиваться чавканье крови. Из рта Чада стала изрыгаться рвота – опять-таки бесконтрольно, – и по огромным рукам Джоша Ли Хэмилтона потекла желчь, смешанная с воздушными хлопьями, но здоровяк даже не заметил этого. Джош увидел, как левая рука Чада потянулась к рукоятке обшитого сталью «смит-вессона», засунутого за ремень у него на спине, без труда вытащил пистолет из штанов Чада и швырнул его на другую сторону поляны.

Собрав последние крупинки силы и чувствуя, как отказывает его мозг от многократных сотрясений, а у задней части расколотого черепа собирается кровь, Чад Бингэм сделал отчаянную попытку ударить здоровяка коленом в пах, но Джош легко и быстро одной рукой блокировал его ногу. Затем он обрушил на мужчину чудовищный удар – пощечину тыльной стороной огромной ладони, жутким эхом отразившую ту пощечину, которую несколькими минутами ранее получила Лилли, – и Чад Бингэм отлетел в сторону.

Он распластался на земле в пятнадцати футах от дерева.

Джош не заметил, что Лилли ковыляла к нему через поляну, и не услышал ее срывающегося голоса:

– Джош, НЕТ! НЕТ! ДЖОШ, ОСТАНОВИСЬ! ТЫ УБЬЕШЬ ЕГО!

Но вдруг Джош Ли Хэмилтон очнулся и заморгал, словно обнаружив, что ходил во сне и оказался голым посреди бульвара Пичтри¹⁸ в самый час пик. Он почувствовал, как Лилли тянула его за куртку, сиюсь оттащить его от человека, скорчившегося на земле.

– Ты убьешь его!

Джош обернулся. Прямо позади него была Лилли – в синяках и ссадинах. Во рту у нее было полно крови, она едва могла стоять, дышать и говорить. Ее блестящие глаза смотрели прямо на него. Он стиснул ее в объятиях, и по щекам его побежали слезы.

– Ты в порядке?

– Все хорошо... Джош, пожалуйста... Пожалуйста, остановись, или ты убьешь его.

Джош хотел было сказать что-то еще, но осекся. Обернувшись, он посмотрел належавшего на земле человека. Последовала жуткая пауза, во время которой Джош двигал губами, но никак не мог произнести ни звука, не в силах облечь мысли в слова. Перед ним на траве в луже собственных жидкостей лежало поверженное тело, такое же неподвижное и безжизненное, как груда тряпья.

¹⁸ Главная улица Атланты.

Глава четвертая

– Не шевелись, милая.

Боб Стуки аккуратно повернул голову Лилли, чтобы лучше рассмотреть ее опухшую губу, и выдавил каплю антисептика размером с горошину на ее разодранную, покрытую корками запекшейся крови кожу.

– Уже почти закончили.

Лилли поморщилась от боли. Боб стоял перед ней на коленях. Сбоку на койке, на которой девушка лежала ничком, уставившись в брезентовый потолок, виднелась открытая аптечка. В палатку проникали бледные лучи вечернего солнца, пробивавшиеся внутрь сквозь грязные полотняные стенки. Было холодно. Пахло дезинфицирующим средством и выдохшимся алкоголем. Обнаженная грудь Лилли была прикрыта одеялом.

Бобу хотелось выпить, и очень сильно. Его руки снова тряслись. В последнее время его опять стали настигать воспоминания о днях, проведенных на госпитальной службе в морской пехоте США. Одна командировка в Афганистан одиннадцать лет назад, во время которой он подносил судна больным в Кемп-Дуайере¹⁹, не могла подготовить его к *такому*. Казалось, сейчас его отделял от нее целый миллион световых лет. Он и тогда регулярно выпивал и из-за пьянства еле смог окончить свое обучение медицине и практику в Сан-Антонио. А теперь война постучалась прямо в двери Боба. Изувеченные шрапнелью тела, которые он зашивал на Ближнем Востоке, меркли в сравнении с полями сражений *этой* войны. Бобу иногда снился Афганистан: он видел, как ходячие мертвецы врывались туда в духе театра «Гран-Гиньоль»²⁰ и заражали боевиков движения Талибан – холодные, мертвые, серые руки прорывались сквозь стены мобильных операционных.

Но зашивать раны Лилли Коул для Боба было совершенно иным делом – гораздо худшим, чем работать медиком на поле боя или расчищать последствия атаки зомби. Бингэм сильно потрепал ее. Осмотрев девушку, Боб заключил, что у нее было сломано по меньшей мере три ребра, под левым глазом расплылся огромный кровоподтек, который мог привести к кровоизлиянию в стекловидное тело или даже к отслоению сетчатки, плюс все ее лицо было покрыто жуткими синяками и ссадинами. Боб почувствовал, что плохо подготовлен – как в техническом отношении, так и из-за недостатка медикаментов – к тому, чтобы даже *притворяться*, что лечит ее. Но, кроме Боба, рассчитывать тут было не на кого, поэтому он наложил на грудь Лилли импровизированную повязку из разорванных на полосы простыней, твердых книжных обложек и эластичных бинтов и нанес крем-антибиотик из своих иссякавших запасов на все ее неглубокие раны. Больше всего его беспокоил глаз. Его нужно было осмотреть, чтобы удостовериться, что он залечится как следует.

– Вот и все, – сказал Боб, нанося последний мазок крема на губу Лилли.

– Спасибо, Боб. – Речь Лилли была немного затруднена из-за отека, и она чуть пришептывала. – Можешь отправить счет в мою страховую компанию.

Боб безрадостно усмехнулся и помог ей снова натянуть пальто на перевязанную грудь и испещренные синяками плечи.

– Что там, черт возьми, случилось?

Лилли вздохнула, села на койке, осторожно застегнула пальто на молнию и поморщилась от покалывавшей ее тело боли.

– Все немного... вышло из-под контроля.

¹⁹ Бывшая военная база морской пехоты США на территории Афганистана.

²⁰ Парижский театр ужасов, работавший с 1897 по 1963 год.

Боб отыскал свою помятую флягу с дешевым пойлом, откинулся на спинку складного стула и сделал долгий целебный глоток.

– Может, я сейчас скажу очевидное... Но это никому не на пользу.

Сглотнув, Лилли словно протолкнула в себя осколки стекла. Завитки ее золотисто-каштановых волос падали на лицо.

– И не говори, – отозвалась она.

– Там сейчас обсуждают все это в большом шатре.

– Кто?

– Симмонс, Хеннесси, несколько старших, Элис Бернсайд... Ну, знаешь... Сыны и дочери революции. Джош... Я его таким раньше не видел. Он совсем сбит с толку. Просто сидит на земле около своей палатки, как сфинкс... Ни слова не говорит... Только смотрит в пространство. Сказал лишь, что согласится с любым их решением.

– Что это значит?

Боб сделал еще один глоток своего лекарства.

– Лилли, такого еще не было. Хладнокровно убили живого человека. Люди здесь с таким еще не сталкивались.

– *Хладнокровно убили?*

– Лилли...

– Теперь это так называется?

– Я просто хочу сказать...

– Я поговорю с ними.

Лилли попыталась подняться на ноги, но от боли снова повалилась на койку.

– Эй, подруга, не так резко. Не торопись. – Боб наклонился и мягко поддержал ее. – Я дал тебе столько кодеина, что хватило бы, чтобы успокоить лошадь.

– Черт, Боб, они не могут линчевать Джоша из-за этого! Я не позволю!

– Давай просто продвигаться маленькими шажками. Сейчас ты никуда не пойдешь.

Лилли опустила голову. Из ее здорового глаза выкатилась одинокая слеза.

– Это был несчастный случай, Боб.

Боб взглянул на нее:

– Давай-ка сейчас просто сосредоточимся на лечении, а?

Лилли подняла голову и посмотрела на него. Ее израненная губа распухла и была в три раза толще обычного, левый глаз налился кровью, а глазница почернела. Она повыше подняла воротник своего поношенного пальто и поежилась от холода. На ней было несколько странных украшений, за которые зацепился взгляд Боба: веревочные браслеты и бусы и крошечные перышки, вплетенные в локоны ее янтарных волос, падавшие на опустошенное лицо. Бобу Стуки было любопытно, как девушки в этом мире еще могли уделять внимание моде. Но в этой черте Лилли Коул отчасти и крылось ее обаяние. От маленькой татуировки в форме геральдической лилии на задней части ее шеи до аккуратных прорех и заплаток на джинсах, Лилли Коул была одной из тех девушек, которым достаточно было десяти долларов и пары часов в комиссионном магазине, чтобы составить себе целый гардероб.

– Это все из-за меня, Боб, – сказала она хриплым сонным голосом.

– Чушь собачья! – возразил Боб Стуки, снова глотнув из потускневшей фляжки. Алкоголь, похоже, начал развязывать ему язык, и Боб почувствовал приступ горечи. – Я вот думаю, зная характер Чада, что он давно на это напрашивался.

– Боб, это не...

Лилли замолкла, услышав шорох шагов около палатки. На брезент упала тень гиганта. Знакомая фигура на миг замерла, неловко переминаясь с ноги на ногу у застегнутого на молнию входа в палатку Боба. Лилли узнала этот силуэт, но ничего не сказала.

Огромная рука аккуратно откинула полотняную дверцу, и в проеме показалось широкое, испещренное морщинами коричневое лицо.

– Они сказали, можно... Дали мне три минуты, – запнувшись, застенчиво произнес своим баритоном Джош Ли Хэмилтон.

– О чем ты? – Лилли напряглась, посмотрев на своего друга. – Три минуты на что? Джош встал на колени перед палаткой и уставился в землю, сиюсь обуздать свои чувства.

– Три минуты, чтобы попрощаться.

– Прощаться?

– Ага.

– Что ты имеешь в виду? Что значит – попрощаться? Что случилось?

Джош тяжело вздохнул:

– Было голосование... Они решили, что лучше всего будет, чтобы я собрал свои вещи и убрался из группы.

– Что?!

– Думаю, это лучше, чем если бы меня повесили на самом высоком дереве.

– Но ты ведь не... То есть это была случайность!

– Ага, само собой, – сказал Джош, не поднимая глаз. – Бедный парень случайно кучу раз наткнулся на мои кулаки.

– Но в тех обстоятельствах... Все ведь знают, каким человеком...

– Лилли...

– Нет, это неправильно. Это просто... неправильно.

– Все кончено, Лилли.

Она взглянула на него:

– Они хотя бы позволят тебе взять кое-что из припасов? Или машину?

– У меня есть мотоцикл. Я справлюсь, все будет хорошо...

– Нет... Нет... Это просто... нелепо.

– Лилли, послушай меня!

Здоровяк наполовину залез в палатку. Боб из уважения отвернулся. Джош пригнулся, протянул руку и нежно прикоснулся к израненному лицу Лилли. Губы его были сжаты, глаза блестели, морщины вокруг рта углубились – было понятно, что гиганта захлестнули чувства.

– Так все и будет. Это к лучшему. Со мной все будет в порядке. А вы с Бобом держитесь!

На глаза Лилли навернулись слезы.

– Тогда я пойду с тобой.

– Лилли...

– Здесь меня ничто не держит.

Джош покачал головой:

– Прости, куколка... У меня только один билет.

– Я иду с тобой.

– Лилли, мне очень жаль, но это невозможно. Здесь безопаснее. С группой.

– Да, здесь и правда стабильно, – холодно сказала она. – Прямо вечный праздник любви.

– Но лучше здесь, чем не пойми где.

Лилли посмотрела на него опустошенным взглядом, и по ее помятому лицу покатались слезы.

– Ты не сможешь остановить меня, Джош. Решение за мной. Я иду с тобой – и точка. А если ты попытаешься остановить меня, я пойду за тобой, выслежу тебя, отыщу. Я иду с тобой, и ты не можешь мне помешать. Ты не можешь меня остановить. Понятно? Поэтому просто... смирись с этим.

Она застегнула все пуговицы на своем пальто, сунула ноги в ботинки и начала собирать вещи. Джош смятенно наблюдал за ней. Лилли двигалась осторожно, то и дело чувствуя уколы боли.

Боб переглянулся с Джошем, и что-то невысказанное, но очень значительное промелькнуло между ними, пока Лилли запихивала свою разбросанную одежду в брезентовую сумку. Закончив, она направилась к выходу из палатки.

Джош на секунду задержался внутри и снова посмотрел на Боба.

В конце концов Боб пожал плечами и с усталой улыбкой произнес:

– Женщины.

Пятнадцать минут спустя Джош уже набил кофры своего темного городского мотоцикла «Сузуки» жестянками с ветчиной и тунцом, сигнальными шашками, одеялами и непромокаемыми спичками, также положив туда веревку, свернутую палатку, фонарик, маленькую походную плитку, складную удочку, дешевый карманный пистолет 38-го калибра, несколько бумажных тарелок и кое-какие специи, которые он стащил из общей зоны. День был ветреный, небо затянули темно-серые облака.

Из-за суровости погоды сборы Джоша казались еще тревожнее. Он проверил, насколько крепко держатся на мотоцикле сумки с багажом, и взглянул через плечо на Лилли, которая стояла в десяти футах от него у кромки дороги и утрамбовывала свой переполненный рюкзак. Морщась от резкой боли в ребрах, она пыталась потуже затянуть его ремни.

С другой стороны площадки за ними наблюдали несколько самопровозглашенных лидеров общины. Трое мужчин и одна женщина среднего возраста стоически смотрели прямо перед собой. Джош хотел крикнуть им что-нибудь убийственно саркастичное, но прикусил язык. Вместо этого он повернулся к Лилли и спросил:

– Ты готова?

Лилли не успела ответить, как с восточного конца площадки послышался голос:

– Погодите, ребята!

Вдоль изгороди к ним медленно приближался Боб Стуки, тащивший на спине огромный брезентовый вещмешок. Раздавалось бряцанье бутылок – несомненно, из личного запаса «лекарств» Боба, – а на лице медика читалось одновременно ожидание и смущение. Он с опаской подошел к Джошу и Лилли.

– Пока вы не уехали в закат, я хочу спросить.

Джош внимательно посмотрел на него:

– Что такое, Боб?

– Просто ответьте мне, – сказал он. – У вас есть врачебная подготовка?

Лилли приблизилась к нему, непонимающе нахмутив брови:

– Боб, что тебе нужно?

– Вопрос простой. Хоть у кого-то из вас, глупцов, есть реальные познания в медицине?

Джош и Лилли переглянулись.

– Мне о таком неизвестно, Боб, – вздохнул здоровяк.

– Тогда позвольте мне спросить еще кое-что. Кто, черт возьми, будет следить, чтобы ее глаз не загноился? – Он махнул рукой в сторону фингала Лилли. – Или проверять, как срастаются ребра, если уж на то пошло?

Джош посмотрел на медика:

– Что ты пытаешься сказать, Боб?

Тот большим пальцем показал на припаркованные в ряд машины, стоявшие позади него на подъездной дорожке.

– Раз уж вы отправляетесь куда-то в голубые дали, не лучше ли взять с собой сертифицированного госпитального санитаря морской пехоты США?

Они сложили вещи в огромную машину Боба. Старый пикап «Додж Рэм» был настоящим монстром с модифицированным трейлером, установленным на удлиненном багажнике. Весь автомобиль покрывали пятна ржавчины. Окна трейлера были узкими, длинными и такими мутными, что казались замазанными мылом. Рюкзак Лилли и кофры Джоша забросили внутрь через дверь в задней части фургона и разместили среди стопок грязной одежды и полупустых бутылок дешевого виски. В трейлере была пара шатких коек, большой переносной холодильник, три потрепанные аптечки, изодранный чемодан, две канистры с топливом, старый кожаный докторский саквояж, который выглядел так, словно был куплен в ломбарде, и всяческие садовые инструменты, прислоненные к перегородке в передней части: лопаты, мотыга, несколько топоров и грязные вилы. Сводчатый потолок был достаточно высок, чтобы под ним мог, ссутулившись, встать взрослый человек.

Разместив сумки, Джош заметил разбросанные детали разобранного дробовика 12-го калибра, но патронов видно не было. Боб носил с собой короткоствольный револьвер 38-го калибра, который, вероятно, не мог поразить и неподвижную цель с десяти шагов при полном отсутствии ветра – и то при условии, что Боб был трезвым, а это случалось довольно редко. Джош понимал, что, если они хотели получить хотя бы шанс на спасение, им нужно было достать огнестрельное оружие и патроны.

Он хлопнул дверцей и почувствовал на себе чей-то взгляд с другого конца площадки.
– Эй, Лил!

Голос показался знакомым, и, обернувшись, Джош увидел Меган Лафферти, девушку с рыжевато-каштановыми волосами и неумным либидо, которая стояла у гравийной обочины на расстоянии пары машин от них. Она держалась за руки с тем парнем, который вечно курил травку, – как там его звали? Его густые светлые волосы падали ему на лоб; он был одет в потрепанный свитер. Стив? Шон? Джош не помнил. Он помнил лишь то, как девушка прыгала из постели в постель всю дорогу от самого Пичтри-Сити.

Теперь два этих раздолбая стояли и смотрели на них с серьезностью стариков.

– Привет, Мег, – мягко сказала Лилли с ноткой скепсиса, обойдя грузовик и остановившись рядом с Джошем.

В неловком молчании раздавался лишь стук, с которым Боб проверял что-то под капотом машины.

Меган и парень с опаской подошли к ним. Обратившись к Лилли, Меган, казалось, обдумывала каждое слово:

– Подруга, я слышала, ты отправляешься искать лучшей жизни.

Стоявший рядом с Меган парень тихонько усмехнулся:

– Главное – найти что по кайфу.

Джош сердито глянул на него:

– Чем мы можем вам помочь, ребята?

Меган, не отрываясь, смотрела на Лилли.

– Лил, я просто хотела сказать... ну... Надеюсь ты это... не злишься на меня и все такое.

– Почему я должна на тебя злиться?

Меган опустила глаза.

– Из-за того, что я позавчера сказала. Я не подумала... Я просто хотела... Не знаю. Просто хотела извиниться.

Джош повернулся к Лилли и в тот краткий миг тишины, пока она не ответила, разглядел всю сущность Лилли Коул. Ее израненное лицо смягчилось. В глазах отразилось прощение.

– Тебе не за что извиняться, Мег, – сказала Лилли подруге. – Мы все просто пытаемся не расклеиться к чертям.

– А он тебя знатно измордовал, – сказала Меган, показав на синяки на лице Лилли.

– Лилли, пора ехать, – вступил Джош. – Скоро стемнеет.

Парень прошептал Меган:

– Ну, ты их спросишь или как?

– О чем спросишь, Меган? – поинтересовалась Лилли.

Меган облизнула губы и посмотрела на Джоша:

– С тобой совсем хреново обошлись.

Джош кратко кивнул:

– Спасибо за сочувствие, Меган, но нам и правда пора.

– Возьмите нас с собой.

Джош взглянул на Лилли, а сама Лилли уставилась на подругу.

– Хм... – наконец произнесла Лилли. – Видишь ли, дело в том...

– Блин, мужик, чем больше, тем безопаснее! – воскликнул парень, нервно и сухо усмехнувшись. – Мы, типа, все тут в режиме воина...

Меган подняла руку:

– Скотт, да заткнись ты хоть на пару минут. – Она посмотрела на Джоша. – Мы не можем оставаться здесь, с этими фашистскими свиньями. Только не после того, что случилось. Здесь полный бардак, люди вообще больше друг другу не доверяют.

Джош скрестил огромные руки на могучей груди и посмотрел на Меган:

– Ну, ты тоже внесла свой вклад.

– Джош... – вступилась было Лилли.

Меган неожиданно обреченно посмотрела в землю.

– Да нет, все в порядке. Я это заслужила. Думаю, я просто... просто забыла, по каким правилам мы живем.

Повисло молчание, которое нарушал только шум деревьев да возня Боба под капотом, и Джош закатил глаза. Он не мог поверить, на что собирался согласиться.

– Тащите вещи, – наконец сказал он. – И поскорее.

Меган и Скотт залезли в трейлер. Боб сел за руль, Джош – на место пассажира, а Лилли устроилась на узком сиденье в задней части кабины. Позади передних кресел в этом пикапе был устроен спальный отсек с небольшими дверцами по бокам и откидывающейся лавкой, которая и служила кроватью. Лилли сидела на этой покрытой пятнами лавке и держалась за поручень; каждый ухаб и поворот отзывались резкой болью в ее ребрах.

По обеим сторонам извилистой подъездной дорожки, ведущей прочь от фруктовых садов, стояли деревья, которые становились все темнее. Предвечерние тени удлинялись, температура падала. Шумевшая печка пикапа вступила в неравную схватку с холодом. В кабине пахло выдохшимся алкоголем, дымом и потом. Сквозь форточку проникали едва различимые запахи табачных полей и гниющих фруктов – осенний аромат Джорджии, который напоминал Лилли о том, что теперь они были отрезаны от цивилизации.

Она стала искать среди деревьев ходячих. Каждая тень, каждый темный участок таили в себе угрозу. В воздухе не было ни самолетов, ни каких-либо птиц. Небо было холодным, безжизненным и безмолвным, как гигантский серый ледник.

Когда они добрались до шоссе 392 – главной транспортной артерии, пролегавшей по округу Мэриуэдер, – солнце на горизонте спустилось ниже. Из-за множества аварий и брошенных машин Боб ехал размеренно, со скоростью около тридцати пяти миль в час. На закате двухполосная дорога окрасилась в оттенки серого и синего; по холмам, поросшим белыми соснами и соей, расползались сумерки.

– Так какой у нас план, капитан? – спросил Боб Джоша, как только они проехали полторы мили.

– План? – Джош запалил сигару и опустил стекло. – Ты, должно быть, принял меня за одного из тех полевых командиров, которых в свое время зашивал в Ираке.

– Я не был в Ираке, – ответил Боб и отхлебнул из фляжки, которую держал между ног. – Отмотал свой срок в Афганистане, и, честно говоря, те места теперь с каждым днем кажутся мне все лучше.

– Могу сказать только одно: мне велели убираться из лагеря, что я и делаю.

Они проехали перекресток. На знаке было написано «Филбурн-роуд», и в сторону между двух табачных полей уходила пыльная и безлюдная проселочная дорога, по бокам которой протянулись канавы. Джош заметил ее и задумался, разумно ли было оставаться на шоссе после наступления темноты.

– Но я тут подумал, – начал он, – может, не стоит пока отъезжать особо далеко от...

– Джош! – Голос Лилли перекрыл тарахтение двигателя. – Ходячие! Смотри!

Джош понял, что она указывает на автостраду, которая виднелась ярдах в пятистах перед ними. Боб ударил по тормозам. Пикап остановился, и Лилли бросило вперед, на спинку сиденья. Острая боль, подобно осколкам стекла, пронзила ее ребра. В кабине раздался глухой стук, с которым Меган и Скотт налетели на перегородку.

– Что за дерьмо! – Боб сжимал руль обветренными морщинистыми руками; костяшки его пальцев побелели, пока пикап с громким визгом тормозил. – Что за поганое дерьмо!

Джош разглядел в отдалении группу зомби – по крайней мере штук сорок или пятьдесят, а может, и больше, ведь в сумерках глазам было легко ошибиться, – которые толпились у перевернувшегося школьного автобуса. Издалека казалось, что с автобуса свисали лоскуты мокрой одежды, сквозь которые мертвецы пролазили внутрь, но довольно быстро стало ясно, что лоскуты эти были человеческими останками. И ходячие пожирали их.

А жертвами их были дети.

– Мы можем просто протаранить их, – предложил Боб.

– Нет... Нет, – откликнулась Лилли. – Ты серьезно?

– Можем объехать.

– Не знаю. – Джош выбросил сигару в форточку; пульс его участился. – Там с обеих сторон глубокие канавы, еще перевернемся.

– Что предлагаешь?

– Есть у тебя какие-нибудь патроны к тому дробовичку, что лежит в трейлере?

Боб напряженно вздохнул:

– Есть одна коробка на 25 гран – так, голубей пострелять. Но им уж миллион лет. А что с револьвером?

– Только то, что в барабане. Кажется, всего пять патронов. И все.

Боб глянул в зеркало заднего вида. Лилли заметила, как в его окруженных глубокими морщинами глазах промелькнула паника. Смотря на Лилли, Боб спросил:

– Твои мысли?

– Что ж, – сказала Лилли, – даже если мы вырубим большую их часть, шум привлечет еще. Как по мне, лучше с ними вообще не связываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.